

Виктор Алеветдинов

КОНТРОЛЬНАЯ СУММА

ПРАВИЛА ЧЁРНОГО ДРАКОНА

— КНИГА 4 —

ОБЪЕКТ
НЕ НАЙДЕН

— ПРАВИЛО IV —
ЕСЛИ ЦИФРЫ НЕ СХОДЯТСЯ —
НЕ ВЕРЬ ГЛАЗАМ

ТЕХНОМИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

18+

Виктор Алеветдинов

**Контрольная сумма. Книга
4. Правила Чёрного дракона**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Контрольная сумма. Книга 4. Правила Чёрного дракона /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Семь дежурств исчезли из архива Дома смотрителей. Камеры показывают пустой склон вместо здания, городские реестры заранее закрывают события, а распоряжение об изъятии артефактов подписано Лизой Морозовой — за несколько минут до того, как она должна его подписать. У Лизы есть семьдесят два часа, чтобы доказать: заражены не отдельные файлы, а сама система, решающая, какая версия человека считается настоящей. Но каждый новый факт делает её собственную биографию всё менее полной, а профессиональный помощник комиссии знает о сбоях больше, чем говорит. Чтобы спасти Дом и живых людей от безупречного цифрового приговора, Лизе придётся создать контрольную сумму, которую нельзя вычислить без согласия, свидетеля и права на ошибку. Только цена этой проверки — её имя, память и место в городе. Правило IV. Если цифры не сходятся — не верь глазам

Содержание

Часть 1. Комиссия у воды	5
Глава 1. Нулевая сверка	5
Глава 2. Опись без владельца	10
Глава 3. Два независимых слоя	15
Глава 4. Закрытое событие	20
Глава 5. Первая сверка	25
Глава 6. Камера без дома	30
Глава 7. Чужой доступ	35
Глава 8. Осколок в описи	40
Глава 9. Изъятие	45
Часть 2. Город с неверной датой	50
Глава 10. Улица после завтра	50
Глава 11. Дата на воде	55
Глава 12. Семь переходов	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Виктор Алеветдинов

Контрольная сумма. Книга

4. Правила Чёрного дракона

Часть 1. Комиссия у воды

Глава 1. Нулевая сверка

В восемь сорок семь архив Дома смотрителей сообщил Лизе, что с ним всё в порядке. Подпись совпадала, время последней записи не вызывало вопросов. Только резервная копия была меньше на двести восемьдесят четыре килобайта. Для обычного архива разница смешная. Для журнала переходов — семь исчезнувших дежурств.

Лиза запустила сверку ещё раз. Компьютер подтвердил целостность быстрее, чем она успела вспомнить о чае, который остывал справа от клавиатуры.

— Конечно, — сказала она экрану. — Ты безупречен. Просто немного похудел.

Бумажный журнал лежал раскрытым на первой пропавшей записи. В ту ночь Максим дежурил во дворе, а Виктор менял контакт на двери цифровой комнаты. На странице стояли две подписи и пятно масла.

Электронная версия отводила событию четыре минуты и сообщала, что дежурство отменили. Остальные шесть смен исчезли так же аккуратно, без разрыва в нумерации.

Локальное хранилище показало тот же объём. Запечатанный три недели назад носитель тоже совпал с архивом до байта. Лиза захотела выключить питание во всём Доме и начать с карандаша.

В дверь постучали. Виктор вошёл, но остановился у порога.

— Можно?

— Ты уже внутри.

— Тогда вопрос запоздал. Но уважение я обозначил.

Он поставил на стол чемодан с инструментами. Виктор посмотрел не на экран, а на бумажный журнал.

— Архив потерял семь дежурств, — сказала Лиза. — Сервер, локальная копия и запечатанный носитель подтверждают друг друга.

— А он?

— Утверждает, что люди работали.

— Ты ищешь четвёртую цифровую копию?

— Облачную.

— Останови.

Курсор стоял над окном загрузки. Лиза не нажимала кнопку.

— Почему?

— Потому что четвёртая копия того же владельца не станет новым доказательством.

— Хранилища разные.

— Источник решения один. Архивный носитель получил данные от системы до того, как его запечатали.

Лиза остановила передачу на девяноста двух процентах. Ей не нравилось, что Виктор произнёс это раньше, чем она сама сформулировала мысль.

— Предлагаешь поверить бумаге?

— Предлагаю проверить Дом. Если здесь дежурили, расходовалось электричество. Если я менял контакт, на двери остался ремонт. Это другой слой. Он может ошибаться, но не обязан повторять ошибку сервера.

Метод раздражал простотой. Лиза строила систему для поиска подмены в журналах, а Виктор предлагал посмотреть на счётчик.

Она открыла график питания цифровой комнаты и наложила даты из бумажного журнала. В первую пропавшую смену скачок расхода пришёлся на два часа четырнадцать минут. Электронная версия в это время показывала пустое помещение.

— Я включил паяльную станцию, — сказал Виктор.

— На три часа?

— Контакт сопротивлялся.

— Ты грел его до признания?

— Признался. Потом снова начал греться.

На каждой из семи дат был расход, которого по журналу не существовало. Цифры не объясняли события, но подтверждали главное: Дом не пустовал.

— Один слой, — сказал Виктор. — Теперь замок.

Они вышли в коридор. Сверху прошла Алина, обойдя ступень, которую Максим обещал починить после того, как заберёт куртку из цифровой комнаты. Куртка и ступень оставались на местах. Некоторые данные Дом сохранял надёжно.

Виктор снял крышку с замка и показал новый винт. Под накладкой сохранилась риска от инструмента.

— Меняли в ту ночь?

— Да. Электронная форма не открывалась. Писала, что работа не назначена.

История замка нужной даты не содержала. Лиза приложила ключ, ещё раз проверила память модуля и получила тот же результат. Старый контакт раньше соединялся с общим контроллером, от которого журнал забирал время открытия.

— Замок и архив раньше сходились в одной точке, — сказала она.

— Один логический владелец, — ответил Виктор. — Железо разное. Решение о событии одно.

Лизе не понравилось слово «решение». Система должна была хранить записи, а не выбирать, какая ночь заслуживает существования.

Рядом с подписью Максима остался отпечаток смазки для замка. В кладовой нашёлся пустой баллон, выданный в ту же ночь. Лиза собралась загрузить снимки в контур Дома и остановилась: они могли попасть под ту же подмену.

— Нужен бумажный пакет, — сказала она. — И ручка, которая не умеет подключаться к сети.

— У нас сохранились такие технологии?

— На кухне видела карандаш. Возможно, контрабанда.

Виктор принёс пакет. Лиза вложила туда копию страницы, наклейку с баллона и старый винт из ремонтной коробки. На клапане поставила время и расписалась. Виктор провёл подпись поперёк сгиба.

— Воск изобрели раньше тебя, — заметила Лиза.

— Воск у нас теперь вызывает много профессиональных вопросов.

Компьютер подал сигнал. Остановленная облачная копия появилась в списке архивов с той же контрольной суммой.

— Я не завершала передачу.

Виктор подошёл к экрану. К клавиатуре он не прикоснулся.

— Журнал действий?

Система сообщала, что операцию завершила Елизавета Морозова с рабочего ключа. Лиза сняла пластину с шеи и положила на стол. Ключ всё время был при ней.

— Не очищай, — сказал Виктор.

— Я знаю.

— У тебя лицо человека, который готов очистить здание вместе с фундаментом.

— Я думаю.

— При тебе это опасная стадия.

Лиза закрыла внешний доступ к облачному архиву, но файл сохранила. В протоколе выбрала причину «не установлено». Система предупредила, что неполное описание снижает достоверность события. Она распечатала протокол и вложила его в пакет.

— Сначала делает всё без меня, потом переживает за мою достоверность.

— Копии сохраняем, даже облачную. Если очистим архив, комиссия увидит вмешательство после сбоя.

— Она всё равно может назвать это нарушением.

— Тогда у нас останется подменённый набор с правильной подписью. Это лучше, чем моя память о файле, которого больше нет.

Фраза отозвалась неприятным холодом под рёбрами. Лизу пугала не потеря записи. Система могла согласованно доказать, что ошибалась её память. Три копии это уже делали. В коридоре быстро прошла Марина и открыла дверь без стука.

— Лиза, закрой внешние доступы. Во дворе человек с документами.

— Я не буду отключать всё.

Марина остановилась. В руке у неё был футляр со скрипкой, волосы собраны наспех. По её лицу Лиза поняла, что обычное утро закончилось.

— Если это снова Белый Регистр, внешний канал опасен.

— Он уже внутри записей. Замок и архив подтверждают одну подменённую версию. Полное отключение изменит состояние системы и уничтожит часть доказательств.

Марина посмотрела на Виктора. Тот не стал подходить к экрану.

— Подтверждаешь?

— Расхождение подтверждаю. Причину пока нет.

— Бумага?

Лиза подняла пакет. Сгиб оставался запечатан.

— Семь дежурств существуют в материальном слое. В цифре их нет.

— Тогда оставь локальный контур и закрой внешний.

Марина всегда сначала закрывала дверь, а потом разбиралась. Этот порядок не раз спасал им жизнь, но цифровой след нельзя было перекрыть без последствий.

— Если мы сейчас закроемся, проверяющие получают готовый вывод: Дом скрывает данные.

— Проверяющие уже во дворе.

— Тем более.

Марина сжала ручку футляра. Лиза ждала приказа, но мать поставила скрипку у стены и протянула руку.

— Покажи доказательство.

Лиза не сразу отдала пакет. Потом открыла график расхода и показала пропавшие даты. Марина читала внимательно. На подписи Максима задержалась.

— Он был на всех сменах?

— Связан со всеми семьёю, но работал не один.

— Почему исчезли именно они?

— Пока не знаю.

Марина вернула пакет. Пальцы задержались на бумаге.

- Внешний доступ оставляешь только для чтения.
- Согласна. Запись — по отдельному подтверждению.
- Моему?
- Моему. Это мой контур.

Лиза сказала резче, чем хотела. Марина выдержала паузу.

- Хорошо. Твой контур. Но покажешь каждое изменение.

Границу пока не стали двигать. Лиза включила режим чтения по одноразовому коду с бумажного листа.

Во дворе хлопнула калитка. У спуска к Амуру стоял курьер в городской форме. Максим проверял его удостоверение, не закрывая пальцем фотографию. Курьер поглядывал на окна Дома, словно ожидал любого чуда, кроме спокойного разговора.

- Марина Сергеевна? — спросил он.
- Да.
- Пакет под личное вручение. Нужна подпись и время.
- А если откажусь?

Курьер расстроился. Он перевёл взгляд на планшет.

- Тогда составляю акт. Но лучше не надо. У меня ещё шестнадцать адресов.

Максим вернул удостоверение. Курьер убрал его во внутренний карман.

- Документ настоящий. Заказ зарегистрирован утром.

Марина расписалась на планшете и приняла белый конверт. Лиза дождалась отметки.

- Отправитель когда загрузил перечень вложений? — спросила Лиза.
- В шесть сорок восемь. Я только доставляю.
- Копию записи можете прислать?
- Только по запросу комиссии.
- Теперь адрес стал проще?

Курьер посмотрел на Дом. На ответ ушла секунда.

- Нет. Но вы хотя бы разговариваете словами.

Марина вскрыла конверт под навесом. Заголовок занял треть первой страницы: «Межведомственная комиссия по сверке городских данных и объектов особого риска». Марина прочла начало.

- Краткость им пока не согласовали.
- Внеплановая сверка. Основание — расхождение городских реестров после весенних событий. Нам дают семьдесят два часа на первичную добровольную опись. Потом возможно обеспечительное изъятие.
- Очень добровольно, — сказал Максим. — Можно самим выбрать коробки.

Лиза взяла документ. Формулировки требовали открыть журналы и показать зоны риска; статус имущества Дом должен был подтвердить отдельно. Подпись председателя комиссии — Ирина Павловна Ратникова. Ни прямого обвинения, ни признания Дома законным владельцем того, что он охранял.

На последнем листе Лиза увидела приложение и перестала слушать разговор. В перечне стояли семь объектов. Первыми значились Зеркальное копьё и повреждённый Колокол Двух Берегов. Отдельной строкой комиссия указала нефритовый осколок, а ниже — предметы из закрытого хранилища, названия которых наружу не передавали. Марина заглянула через её плечо.

- Мы подавали этот список?
- Нет. В PROJECT_TRUST были категории риска, без названий и мест хранения. Максим взял лист за край. Бумага дрогнула.
- Семь предметов.

Лиза вернулась к первой странице. Входящий номер заканчивался теми же семью цифрами, что стояли в заголовке пропавшего блока журнала. Она проверила ещё раз, медленно, чтобы не принять испуг за совпадение.

— Документ сформирован в шесть сорок восемь, — сказала она. — Архив я открыла в восемь сорок семь.

— Они знали раньше нас? — спросила Марина.

— Они знали не только о расхождении.

Лиза приложила перечень к пакету. Семь дежурств исчезли, семь предметов вошли в опись. Подписи были правильными, но Дом таких данных не создавал. Она сохранила заражённые копии и оставила комиссии доступ только для чтения. В белом конверте уже лежал оформленный доступ к Дому.

Глава 2. Опись без владельца

Через час после вручения уведомления кухня Дома зрителей перестала быть кухней. На столе лежали копии уведомления и пакет Лизы. Чайник кипел второй раз, но кружки оставались пустыми. Марина освободила место перед собой и дождалась остальных.

Максим устроился ближе к двери. Алина держала на ладони нефритовый осколок Колокола Двух Берегов, завернутый в серую ткань. Виктор принёс две папки и рулетку. Лиза пришла последней, с ноутбуком под мышкой, и сразу заняла розетку.

— У нас семьдесят два часа, — сказала Марина. — Первую опись готовим сегодня. Комиссии показываем то, что можем подтвердить. Доступ к опасным вещам не передаём без отдельного решения.

— Тогда это меню без цен, — заметил Максим.

— Цены они назначат сами, — ответила Лиза. — Вопрос в том, дадим ли мы им готовую карту.

Марина посмотрела на неё.

— Цифровой контур ведёшь ты. Только для чтения, каждое открытие фиксируешь отдельно.

— Я это уже решила.

— Теперь это общая задача.

— Задача общая. Способ работы мой.

Марина хотела сказать, что Дом нельзя защищать по личным правилам. Вовремя вспомнила: именно так со стороны могли описать её собственные решения.

— Хорошо. Ты определяешь способ. Я должна знать, что получает комиссия.

Лиза кивнула и открыла ноутбук.

Марина распределила работу. Виктор проверит предметы по материальным следам. Виктория отдельно поговорит со свидетелями, чтобы общая подпись не заменила согласие. Максим осмотрит маршруты к хранилищам. Алина отвечает только за короткую паузу, которую ещё может дать повреждённый Колокол. Полного действия от артефакта никто требовать не будет.

— А ты? — спросил Виктор.

— Подпишу то, за что могу отвечать.

— Очень удобная должность, — сказала Лиза. — Остальные добывают факты, ты ставишь подпись.

— Могу отдать её тебе.

— Нет. Мне и своих хватает.

Виктория скрыла улыбку за листом. Максим снял чайник с плиты и налил кипяток в кружки. У Алины чай оказался без заварки.

— Это мера, — сказал он. — Сначала проверяешь цвет, потом добавляешь смысл.

— Ты забыл пакетик.

— Не мешай профессиональной версии.

Потом Виктор положил перед Мариной уведомление.

— Есть главный вопрос. Прятать вещи будем?

— Нет, — сразу ответила Лиза.

— Не все, — сказал Максим одновременно.

Алина провела пальцем по свёртку.

— Если комиссия знает названия, она спросит, почему предмета нет в описи.

— А если внесём, они получают маршрут, — сказал Максим.

— Соккрытие подтвердит, что Дом считает себя выше проверки, — сказала Виктория. — Полное раскрытие позволит изъять всё одним решением. Оба варианта им подходят.

Марина посмотрела на слова «добровольная опись». Рядом стояло предупреждение об обеспечительном изъятии. Человек мог сам открыть дверь или дожидаться, пока её откроют при нём.

— Заявляем закрытые помещения, — решила она. — Указываем назначение и уровень риска. Способ доступа не передаём. Для каждого вскрытия потребуется отдельное основание и присутствие свидетелей.

— Они потребуют ключ, — сказал Максим.

— Получат ответ.

— Это не ключ.

— Поэтому его труднее потерять.

Лиза подняла глаза.

— Я внесу комнаты без координат внутри плана. Только связь с внешним входом.

— Без схемы путей? — спросила Марина.

— Без твоего утверждения схемы путей. Я не согласилась отдавать тебе границы цифровой защиты.

Марина почувствовала привычное желание закончить спор приказом. Лиза ждала именно этого.

— Сделай два варианта, — сказала Марина. — Один для внутренней проверки, второй для комиссии. Разницу подпишешь сама.

— Подпишу.

Они начали с архива. Виктор сравнивал пломбы с фотографиями. Виктория отделяла личные свидетельства от служебных форм. Если человек подтверждал событие только потому, что раньше расписался в общем журнале, она просила описать собственное действие.

Через двадцать минут нашла подпись Алины на допуске к архиву.

— Меня тогда не было в городе, — сказала она.

Лиза наклонилась к листу.

— Подпись перенесли из формы доступа к Колоколу.

— Убираем, — сказала Марина.

— Комиссия увидит нарушение.

— Оно было.

Лиза закрыла рот. Марина понимала её страх: каждое честное исправление могло стать новым основанием для изъятия. И всё же защищать Дом поддельной полнотой было хуже.

Виктория протянула Алине чистый лист.

— Что ты подтверждаешь?

— Только то, что позже видела форму с моей подписью.

— Этого достаточно.

Алина записала ответ. Рядом оставили поле для срока проверки. Лиза вписала: «до установления источника подписи».

К запечатанному помещению с Зеркальным копьём они спустились втроём: Марина, Максим и Лиза. Виктор остался у внешней двери, чтобы отмечать состояние стены и замка.

Помещение находилось за архивом, в части дома со старой кладкой. Здесь плохо ловила связь, а электронный замок после весенних событий отключили от общего контроллера. На двери стояла механическая скоба. Три гнезда печати располагались так, чтобы один человек не мог коснуться их одновременно.

Максим проверил пол у порога.

— Следов вскрытия нет. Пыль целая.

— Ты официально подтвердил пыль? — спросила Лиза.

— Только её присутствие. Намерения не установлены.

Марина достала пластину. Максим приложил знак к нижнему гнезду, Лиза — к правому. Металл принял три касания, и по скобе прошла белая полоса. Она остановилась у центрального стыка. При несовпадении хотя бы одного знака линия ушла бы в сторону и заперла дверь на сутки.

Полоса сошлась. Скоба отдала короткую вибрацию и погасла.

— Круг не вскрывался, — сказала Лиза. — Состав свидетелей не менялся.

Она записала время на бумаге. Электронную отметку создала на отдельном устройстве без связи с Домом. Марина удержала пластину у гнезда ещё несколько секунд. За дверью ничего не происходило. Копьё не помогало и не звало. Печать делала одно: не позволяла одному человеку открыть помещение и назвать это общей волей.

Дверь они не открыли. Для проверки хватало внешнего круга.

Лиза развернула приложение к уведомлению.

— Здесь копьё названо «неучтённым измерительным инструментом».

Максим перечитал строку.

— Если инструмент пробивает стену между слоями города, можно попросить гарантийный талон.

— Формулировка снижает категорию риска, — сказала Марина.

— И позволяет включить его в обычную опись, — ответила Лиза. — Потом изъять как вещь без владельца.

Она показала служебную помету: «доступ ограничен кругом трёх свидетелей». Ниже стояли их фамилии.

Марина перечитала запись. В городские формы они передавали только факт ограничения доступа, без числа и имён.

— Откуда это? — спросил Максим.

— Из нашей внутренней записи, — сказала Лиза. — Или от человека, который её видел.

— В PROJECT_TRUST этого не было?

— Не было. Я проверяла перед закрытием проекта.

Лиза доверяла проверке, пока не появлялся источник, способный переписать саму проверку.

— Имена пока не подтверждаем, — решила Марина.

— Они уже стоят в документе.

— Не подтверждаем их как действующий способ доступа.

— Что пишем?

— Доступ требует независимого согласия действующих свидетелей. Без имён.

Лиза задумалась.

— Комиссия потребует установить владельца.

— У печати нет владельца. Есть люди, которые отвечают за конкретное открытие.

— Для их формы это одно и то же.

— Для нас нет.

Максим прислонился к стене, но выпрямился под взглядом Марины.

— Я ничего не вскрываю. Стена удобно расположена.

— Стена в опись не входит, — сказала Лиза.

— Пока.

В архиве Алина ждала у стола с нефритовым осколком. Перед ней стояли механические часы Виктора.

— Проверим паузу один раз, — сказала Марина. — Без второго удара.

Алина развернула ткань. По краю осколката проходила трещина. Она поставила его на деревянную подставку и коснулась старой насечки.

— Назовите действие.

Виктор положил рядом шайбу и толкнул её по столу.

— Остановить до края.

Шайба скользнула вперёд. Алина провела пальцем по насечке. Осколок отозвался негромким звоном. Шайба остановилась в двух пальцах от края, вместе с ней замерла секундная стрелка.

Алина убрала руку. Часы пошли дальше, шайба докатилась до ладони Виктора.

— Четыре секунды, — сказал он.

— Три и шесть, — поправила Лиза, глядя на запись отдельной камеры.

— Значит, почти четыре секунды и один новый спор, — сказал Максим.

Алина завернула осколок. Усталость проступила на лице, хотя действие длилось недолго.

— Повторять не буду.

— И не нужно, — сказала Марина. — В описи укажем ограниченную паузу. Повторная проверка запрещена до осмотра трещины.

— Комиссия прочитает это как подтверждённую функцию, — сказала Лиза.

— Она подтверждена.

— Тогда осколок потребуют первым.

Марина подошла к Алине. Та держала свёрток обеими руками.

— Мы указываем цену и запрет. Без Алины это повреждённый нефрит. С Алиной — действие, на которое она может не согласиться.

— Я не соглашусь на проверку для комиссии, — сказала Алина.

Виктория записала её слова.

— Срок отказа?

— До отдельного разговора со мной. Не с должностью и не с представителем Дома. Со мной.

Марина посмотрела на Лизу.

— В цифровой форме отказ должен остаться отказом.

— Я не превращаю его в пустое поле.

— Комиссия может.

— Тогда не давай им право записи.

В этом была вся их разница. Марина хотела удержать дверь. Лиза хотела контролировать форму, через которую дверь получит новое название.

К полудню внутренняя опись заняла девять страниц. Для комиссии Лиза подготовила четыре. Закрытое помещение с копьём в документе существовало, но не имело координат и способа доступа. Колокол был указан как повреждённый артефакт. Осколок шёл отдельно, потому что комиссия сама выделила его отдельной строкой.

Марина прочла всё.

— Владелец помещения?

— Не установлен, — ответила Лиза. — Иначе форма не сохраняет запись.

— Поставь Дом.

— Дом не человек и не может согласиться на вскрытие.

— Тогда ответственный хранитель.

— Это они и называют владельцем решения.

Марина взяла ручку, но Лиза закрыла поле ладонью.

— Не назначай себя автоматически. Если впишешь себя, форма сведёт круг к одному владельцу.

Она убрала ручку. Дочь была права именно там, где хотелось закончить работу простой подписью.

— Оставляем пустым.

— Форма не примет.

— Пишем причину вручную и прикладываем бумажную версию.

Лиза сохранила черновик без отправки. Система выделила строку красной рамкой и потребовала установить владельца объекта. Затем появилась подсказка: «При отсутствии владельца назначить лицо с действующими полномочиями».

— Вот так, — сказала Лиза. — Пустое поле они считают приглашением.

Марина продиктовала отказ от автоматического назначения. Лиза внесла его в комментарий, распечатала страницу и отключила автозаполнение.

Потом перевернула уведомление. На обороте, под служебным штампом, была таблица, которую утром никто не заметил. В ней каждому объекту уже назначили предварительный статус.

У закрытого помещения стояло: «владелец объекта — не установлен».

Строкой ниже значилась Елизавета Морозова. В графе владельца напротив её имени повторялась та же формулировка.

Марина перечитала запись. Час назад они спорили о цифровой защите Дома. В документе Лиза значилась в системе. Поле владельца её записи оставалось пустым. Марина положила уведомление рядом с описью: комиссия начала проверку до входа в Дом.

Глава 3. Два независимых слоя

Виктор спустился в подвал с фонарём, отвёрткой и распечаткой Лизы. В распечатке семь дежурств были отмечены серым. Система считала, что в эти ночи Дом не работал. Старый счётчик на стене показывал другой результат и не зависел от сети.

В электрощитовой пахло нагретой изоляцией. После весенней воды нижний угол стены ещё не просох, хотя Максим дважды менял там штукатурку. Виктор поставил стремянку, снял защитную крышку и посветил на барабан механического счётчика. На пломбе стоял год, который давно перестали печатать на новых приборах.

— Тебя не сняли только потому, что забыли, — сказал Виктор.

В подвале остался гул вентилятора. Такой ответ Виктора устраивал.

Лиза сидела на ступеньке с ноутбуком. Кабель от нового цифрового узла тянулся через открытую дверь.

— По городской системе в первую пропавшую ночь расход был нулевой, — сказала она. — Наш узел показывает скачок в два четырнадцать.

— Механический тоже крутился.

— Ты ещё не снял показания.

— На шестерне есть след.

Виктор поднёс фонарь ближе. На краю барабана сохранилась полоса свежего металла. В ту ночь счётчик заклинило, и он сдвигал барабан вручную после отключения линии. Царапину оставил наконечник отвёртки.

— Можешь доказать дату? — спросила Лиза.

— Нет. Могу доказать, что ремонт был после последней поверки и до замены вводного автомата.

— Это почти месяц.

— Поэтому у нас есть кабель.

Он снял крышку канала у пола. Под ней шла старая медная линия. Её не использовали постоянно, но во время ремонта Виктор временно подключил к ней цифровую комнату. На изоляции остался участок новой ленты, а рядом — отметка карандашом: 2:18.

— Твоя?

— Моя.

— Тогда это свидетельство человека, а не независимый слой.

— Лента куплена за день до дежурства. Чек сохранился у Максима, потому что он считает финансовым документом всё, за что ему не вернули деньги.

— Разумный подход.

— Особенно при сумме сто восемьдесят рублей.

Лиза сфотографировала кабель отдельной камерой. Виктор попросил не загружать снимок в общий контур. Потом проверил маркировку на бухте и нашёл совпадение с накладной. Этого хватало, чтобы связать ремонт с нужной неделей, но не с конкретной ночью.

Он включил нагрузку на старой линии. Барабан счётчика дрогнул и начал вращаться. Новый узел записал расход через три секунды. Городской архив не показал ничего.

— Внешняя система не видит эту линию, — сказала Лиза.

— Она довоенная. Основной ввод перенесли после реконструкции, а старый оставили для подвала. В документах его должны были закрыть.

— Но не закрыли.

— К счастью для нас и к несчастью для любого нормального электрика.

Лиза вывела на экран три графика. Механический счётчик подтверждал работу старой линии. Цифровой узел Дома фиксировал нагрузку с задержкой. В энергосбыте тот же промежуток отсутствовал.

— Если свести данные в одну таблицу, городская версия победит, — сказала она. — У неё полный период и официальная подпись.

— Тогда не своди.

— Отчёт с противоречиями выглядит плохо.

— Зато честно.

Лиза посмотрела на него поверх экрана.

— Комиссия не выдаёт премии за честную растерянность.

— Я тоже. Но один красивый график здесь будет ложью.

Виктор записал время на бумаге. Лиза сделала то же в цифровой форме, но оставила поле источника пустым.

— Система предлагает назначить владельца показаний.

— Назначь счётчик.

— У него нет профиля.

— Зато характер устойчивый.

Во дворе под окном цифровой комнаты сохранился след от старого кабельного крюка. Во время пропавшего дежурства Максим снял его, потому что крепление было по кирпичу. Новый крюк стоял выше, а старое отверстие залили раствором.

Виктор приложил к стене рулетку.

— Двадцать семь сантиметров между точками. На фотографии до ремонта крюк ниже.

Лиза открыла архив снимков. Фотография существовала, но система ставила на ней дату на два дня раньше пропавшей смены. На заднем плане лежал пакет штукатурки, купленный позже этой даты.

— Изображение сохранили, время исправили, — сказала она.

— Или пакет путешествовал во времени.

— Не давай Максиму идеи. Он потребует оплату за доставку.

Виктор снял кусок раствора с края старого отверстия и убрал в конверт. Внутри сохранилась синяя нить от рабочих перчаток Максима. Материальный след подтверждал ремонт, но дата снова держалась на косвенных связях.

У калитки их ждала Виктория. С ней пришла женщина лет пятидесяти в серой ветровке. В одну из пропавших ночей она помогала Дому дежурить после повреждения стены. В бумажном журнале стояла её подпись. Электронная запись сообщала, что смену отменили до начала.

Женщина смотрела на распечатку в руках Виктории.

— Я, наверное, перепутала, — сказала она. — Там написано, что меня не было.

— Вы читали электронный журнал раньше? — спросил Виктор.

— Утром. Лиза показала.

Лиза нахмурилась.

— Я открыла запись, когда искала подписи.

— После этого вы вспомнили, что дежурство отменили?

— Да. То есть я сначала думала, что приходила. Потом увидела журнал и решила, что спутала ночь.

Человек сначала помнил событие, потом получил готовую версию и перестроил память под документ. Это ещё не доказывало воздействия Белого Регистра. Люди делали так и без магии, особенно если официальная запись выглядела убедительно.

Виктория убрала распечатку в папку.

— Дату не вспоминайте. Расскажите, что вы делали перед уходом из дома.

— Перед каким уходом?

— Перед тем, после которого оказались здесь. Не называйте число.

Женщина помолчала и потёрла левую ладонь.

— Я выключила утюг. Вернулась проверить, потому что не поверила себе. Потом пошла сюда пешком от площади.

— Что вы делали в Доме?

— Сидела на кухне. Потом в коридоре потекло со стены. Максим принёс таз, а я полезла вытирать воду и обожгла руку.

Под большим пальцем у неё оставался светлый рубец.

— Чем обожглись? — спросил Виктор.

— Чайником. Я схватила его, когда он начал падать. Ручка была горячая.

— Чайник цел? — спросила Виктория.

— Чайник да. Чашка нет. Синяя, с рыбой. Я задела её локтем.

Виктор вспомнил осколки, найденные наутро под батареей. Тогда он ещё возмутился, что люди умеют запечатать артефакт тремя свидетелями, но не могут донести чашку до ведра.

— Осколки сохранились? — спросила Лиза.

— Один мог попасть под плинтус, — ответил Виктор.

Они вернулись на кухню. Максим снял планку у батареи и достал синий кусок фарфора.

— Дом хранит всё, кроме денег и моего свободного времени, — сказал он.

Женщина взяла осколок двумя пальцами.

— Это она. Я потом хотела купить похожую.

— Почему не купили? — спросила Виктория.

— На следующий день ладонь распухла. Я поехала в травмпункт.

В медицинской выписке стояла дата, совпадавшая с утром после пропавшего дежурства. Причина ожога была записана со слов пациентки: горячая металлическая ручка. Адрес происшествия не указывался.

Лиза положила рядом бумажный журнал, выписку и осколок.

— Это можно собрать в цепочку.

— Можно, — сказал Виктор. — Но не в одну запись. Выписка подтверждает ожог. Осколок — чашку. Свидетельство связывает их с Домом.

— А если её память изменилась после журнала?

Женщина отёрнула руку. Виктория повернулась к ней.

— Мы не говорим, что вы ошибаетесь. Мы проверяем, какая часть воспоминания принадлежит вам, а какая пришла из документа.

— Я помню боль. И запах стены. Там была мокрая штукатурка.

Максим кивнул на коридор.

— До сих пор мокрая. Ремонт держится на честном слове Виктора.

— На растворе.

— Слово было дешевле.

Женщина улыбнулась. Виктория попросила её записать только то, что она готова подтвердить сейчас. Без даты и вывода о причине расхождения. Женщина описала ожог, разбитую чашку и стену. В конце добавила: «Электронную запись видела позже и после неё стала сомневаться».

Виктор прочитал лист дважды.

— Раньше я бы назвал это слабым свидетельством.

— А теперь? — спросила Виктория.

— Теперь это отдельный слой. Не потому, что человек всегда прав. Источник ошибки у него другой.

— Уже неплохо.

— Не привыкай. Я ещё могу испортить впечатление.

— Для этого у тебя есть инженерное образование.

После обеда они поехали в городской архив технических подключений. Лиза осталась в Доме собирать цифровые копии, а Виктор взял бумажные схемы и письмо комиссии. Архив занимал первый этаж старого административного здания. За стеклом сидел мужчина, который сперва потребовал номер заявки, потом нашёл его у себя на столе.

— Система говорит, что запрос закрыт, — сообщил он.

— Мы ещё ничего не получили.

— Значит, закрыли успешно.

Виктор положил перед ним письмо.

— Мне нужна схема подключения здания и история изменения точки ввода.

Мужчина прочитал название Дома и ушёл к шкафам. Вернулся с папкой, которая была толще самого запроса.

— Электронная схема у вас пустая, — сказал архивист. — Но бумага есть. Бумага вообще многое пережила.

— Даже цифровизацию?

— Особенно её.

На старом плане Дом стоял там, где и должен был: у спуска к Амуру. Линия входила с западной стороны, а старая ветка уходила в подвал. На схеме после реконструкции здание переместили на двадцать два метра восточнее. Точка подключения совпадала с новым положением.

— Дом не переносили.

— По акту переносили ввод.

— Ввод остался на месте.

Архивист пожал плечами.

— Я выдаю копии. Географическими несоответствиями у нас занимается другой отдел.

Виктор наложил кальку старой схемы на новую. Реальный Дом оказался между двумя версиями. Официальная сеть питала здание, которого на земле не было. Старый счётчик продолжал учитывать линию, которой не существовало в актуальном плане.

Пока архивист ставил штамп, Виктория рассматривала графу основания.

— Здесь дата изменения, — сказала она.

— Три года назад.

— Ниже.

Под основной строкой стояла новая отметка. Кадастровый прямоугольник на месте реального Дома был пустым. Система относила его к участкам без подтверждённого объекта. Рядом значилась дата вступления изменения в силу.

Виктор сверился с телефоном.

— Завтра.

Архивист перестал ставить печать.

— Не может быть. Эти схемы формируют после регистрации.

— Здесь будущая дата.

Мужчина придвинул лист и открыл карточку на компьютере. На экране появилась та же схема. Дом находился восточнее, а на его настоящем месте оставался пустой прямоугольник.

— В системе всё проведено, — сказал архивист. — Основание поступило сегодня утром. Действует с завтрашнего дня.

— Кто подал?

— Владелец не установлен.

Виктор забрал обе схемы, заверенную копию и выписку с будущей датой. Старый счётчик и слова женщины подтверждали реальный Дом. Городской план показывал другое здание,

хотя обе версии выглядели цельными. На официальной схеме место Дома занимал пустой прямоугольник с завтрашней датой.

Глава 4. Закрытое событие

К вечеру набережная стала почти обычной. По дорожке шли люди, у воды гремел самокат, а в окнах Дома зрителей горел свет. Лиза стояла у ограды и сравнивала живой склон с изображением на планшете. Камера над фонарным столбом должна была видеть калитку, часть двора и два окна первого этажа.

На планшете был только склон.

— Повернись к Дому, — сказала она Максиму.

Он встал у калитки и поднял руку. В реальности за его плечом открылась дверь, Марина вынесла пакет с бумагами и снова скрылась внутри. На служебной трансляции Максим стоял перед мокрой землёй. Ни двери, ни света в окнах камера не показывала.

— Вы меня видите? — спросил Максим в телефон.

Оператор городского центра наблюдения ответил после паузы:

— Мужчину у ограды вижу. За ним пустой склон.

— А дом?

— Какой дом?

Лиза посмотрела на здание. В левом окне Виктор приклеивал к стеклу лист с крупной стрелкой. Она указывала на Максима.

— В кадре появился белый лист?

— Нет. Мужчина есть. Строения нет.

Лиза направила телефон на Дом.

— Теперь видите?

— На вашем устройстве вижу.

На линии заиграла мелодия, способная довести до признания даже невиновного.

— Если это их метод допроса, я готов подписать, что склона нет, — сказал Максим.

Оператор вернулся и сообщил, что камера исправна. Архив тоже показывал пустой участок.

— Сохраните контрольный фрагмент.

— По заявке комиссии доступ только на просмотр.

Комиссия успела ограничить даже способ проверки.

— Кто определяет, что можно сохранить? — спросила Лиза.

— Архив формируется автоматически. Я вижу тот же поток, что и вы.

— Нет. Я вижу Дом.

— На вашем устройстве.

Лиза завершила разговор. Оператор не врал. Его система показывала версию, в которой Дом отсутствовал, а Максим стоял на пустом склоне.

— Давай зайду внутрь, — предложил он. — Посмотрим, куда меня запишут.

— Нет.

— Мы пришли проверять границу.

— Проверим без тебя внутри пустого склона.

— Тогда поставь туда рюкзак.

— Рюкзак потом не придётся возвращать из закрытого события.

Максим перестал улыбаться. Утром эта формулировка стояла рядом с пропавшими дежурствами. Теперь Лиза произнесла её сама и поняла, что уже принимает чужую классификацию всерьёз.

Она достала небольшую камеру с отдельной картой памяти. Устройство не подключалось к сети и ставило время от внутреннего генератора. Виктор проверил его перед выходом и записал контрольный кадр с механическими часами.

Лиза установила камеру на ограде.

— Я пройду от лестницы до калитки, — сказал Максим. — Потом войду во двор и вернусь.

— Во двор неходишь.

— Почему?

— Потому что городская система считает Дом пустым. Если ты пересечёшь границу, она может решить, что ты исчез.

— Она уже считает семь моих дежурств несостоявшимися.

— Это не повод повторять опыт.

— Это способ найти точку изменения.

Он говорил спокойно. Именно поэтому Лиза разозлилась сильнее.

— Ты опять предлагаешь себя вместо метода.

— Я предлагаю действие, которое можно остановить.

— После того как система закроет твой статус?

— Я живой и стою перед тобой.

— Пока.

Максим отвёл взгляд к Амуру. За ними прошла пожилая пара. Женщина посмотрела на Дом, потом на камеру Лизы и спросила мужа, снимают ли здесь кино. Муж ответил, что для кино люди выглядят слишком уставшими.

— Хороший независимый слой.

— Они не соглашались быть свидетелями.

— Но Дом видят.

Лиза дождалась, пока пара уйдёт.

— Идешь только до калитки. Если я скажу остановиться, останавливаешься.

— Согласен.

— Повтори.

— До калитки. Во двор не вхожу. Останавливаюсь по твоему слову.

Максим вернулся к лестнице. Лиза держала в поле зрения его и городскую камеру. На планшете движение появилось с задержкой. Максим шёл по пустому склону. Его ботинки пересекали место, где в реальности начиналась дорожка к Дому.

На шестом шаге изображение дрогнуло. Контур Максима стал светлее.

— Стой.

Он остановился.

На городском потоке рядом с его фигурой появилась служебная рамка. Сначала без текста, потом с номером события. Строка под ним быстро сменилась: «Статус уточняется».

— Отойди назад на два шага.

Максим отступил. Рамка осталась. Она пропала только у лестницы.

Вместо сохранённого кадра система показала запрет выгрузки. Лиза записала номер события на бумаге.

— Что было? — спросил Максим.

— Тебя выделила система.

— Как опасность?

— Как событие без статуса.

— Это почти повышение.

— Не шути.

— Тогда скажи, зачем мы продолжаем.

Без исходного кадра комиссия назовёт рамку ошибкой сопровождения. Нужен был носитель, который сохранит момент до обработки.

— Ещё раз до калитки, — решила Лиза. — Без входа во двор.

Вторая попытка прошла без рамки. На планшете Максим поднял руку перед пустым склоном. На отдельной камере за ним были окна, свет и Виктор со стрелкой.

Марина поставила на подоконник настольную лампу и трижды закрыла свет рукой. На городской трансляции склон три раза стал темнее, будто свет заслонила ветка. Дома по-прежнему не было.

— Система сохраняет изменение яркости, — сказала Лиза. — Но назначает ему другую причину.

— Значит, ей нужен не пустой кадр, — ответил Максим. — Ей нужен кадр без Дома.

Запись не стирали. Свет становился тенью от ветки, человек у двери — проходим на склоне. Исправная камера выглядела надёжной.

Лиза открыла городской архив за предыдущий час. Прямая трансляция ещё показывала Максима. Архивный фрагмент заканчивался за минуту до его появления. Следующий начинался после того, как он отошёл от калитки.

— Между файлами разрыв, — сказала она. — Восемь минут.

Журнал сообщал, что запись завершена штатно по закрытию события. Номер совпадал с тем, который Лиза переписала.

Максим прочитал строку через её плечо.

— То есть я событие?

— Был им восемь минут.

— А потом выздоровел?

Лиза ввела номер в городской поиск. Карточка открылась без изображения: «Событие закрыто. Объект покинул наблюдаемую зону». Время окончания было на шесть минут раньше момента, когда Максим дошёл до калитки.

— Вот теперь плохо, — сказал он.

Лиза снова позвонила в центр наблюдения и включила громкую связь.

— Мужчина вышел из зоны в девятнадцать двенадцать, — сообщила оператор.

— В девятнадцать восемнадцать он стоял перед камерой.

— По журналу его там не было.

— Откройте прямой поток.

— Сейчас вижу мужчину у ограды. Это другое событие.

— Почему другое?

— Предыдущее закрыто.

— Он не уходил.

— Система разделила наблюдение по времени окончания.

— Кто назначил время?

— Запись сформирована автоматически.

— Я могу подтвердить непрерывность?

— Ваша геолокация в этой зоне не определяется.

Лиза посмотрела на телефон. Карта показывала её у речного вокзала, почти в километре от Дома.

— Устройство передаёт неверную точку.

— Тогда ваши слова нельзя связать с событием.

— Я стою перед камерой.

— Подайте заявление с подтверждённой геолокацией.

Лиза завершила вызов.

— Заявление о том, что я здесь, нужно подать из места, где я нахожусь по их версии.

— Удобно, — сказал Максим. — Можно не принимать посетителей. Достаточно перенести их на карте.

Лиза проверила карту памяти до возвращения в Дом. На отдельном устройстве появились контрольные часы, склон, калитка и здание. Максим прошёл к ограде и вернулся.

— Дом сохранился, — сказал он.

— Карта не знает, что ей разрешено видеть.

— Значит, хороший свидетель.

— Носитель только хранит кадр. Нужен человек, который подтвердит условия съёмки и не получит ту же исправленную версию.

— Ты была здесь.

— Город считает иначе.

Время файла совпадало с механическими часами. Геолокации не было. Затем устройство подключилось к служебному справочнику и распознало фигуру Максима.

«Максим Логинов. Закрытое событие. Время окончания: 19:12».

На записи он продолжал идти после указанного времени. В девятнадцать восемнадцать стоял у калитки и смотрел в объектив.

— Метку добавил справочник, — сказала Лиза. — Сам кадр цел.

— Тогда используй меня ещё раз. Если я войду во двор, увидим, ускорится ли закрытие.

Лиза закрыла экран.

— Нет.

— Мы уже нашли границу.

— Ты нашёл удобный способ оказаться по другую сторону.

— Я войду и выйду за десять секунд.

— А система поставит окончание раньше входа. Потом любой журнал докажет, что возвращаться было некому.

Максим выдержал её взгляд.

— Я не предлагаю исчезнуть.

— Ты каждый раз предлагаешь немного меньше себя, чем можешь потерять. Час, кровь, имя, право вернуться. Сейчас это десять секунд.

— Если не проверим, комиссия завтра войдёт сама.

— Тогда найдём другой способ.

— Какой?

— Не знаю.

— Хорошо. Сегодня не вхожу.

Лиза услышала слово «сегодня», но спорить не стала. Она сама прошла вдоль ограды. На городской камере её фигура появилась с задержкой: сначала склон был пуст, затем у фонаря возникла женщина.

Перед объективом она подняла карту памяти.

— Время — девятнадцать тридцать одна. Я нахожусь у городской камеры напротив Дома зрителей. Максим Логинов стоит в восьми метрах слева. Запись ведётся на отдельный носитель.

— Очень естественно, — сказал Максим.

— Тебе не обязательно нравиться протоколу.

— Взаимно.

Она отправила Виктору номер события. Сообщение не ушло, хотя связь была полной.

В Дом они вернулись через калитку. Лиза первой пересекла двор, наблюдая за планшетом. На прямой трансляции её фигура не вошла в склон. Максим появился в кадре до ограды, затем исчез на границе участка.

Виктор проверил обе карты памяти на устройстве без сети. Дом и люди сохранились. Марина остановила запись на метке Максима.

— Время окончания раньше съёмки?

— На шесть минут, — ответила Лиза. — Архив закрыл событие до того, как оно завершилось.

Виктор положил рядом схему с завтрашней датой.

— Одна система заранее освобождает место Дома. Другая заранее завершает человека рядом с ним.

— Это один владелец?

— Пока неизвестно. Но порядок одинаковый. Сначала назначается допустимое окончание, потом записи приводятся к нему.

Лиза открыла историю местоположений. Маршрут за вечер начинался у речного вокзала и там же заканчивался. Фотографии с набережной существовали, но система определила их место по удалённой привязке.

На снимке Лиза держала камеру у ограды. За ней стоял Дом, Максим ждал у лестницы. В свойствах файла появилась отметка: «Устройство не присутствовало в месте съёмки».

— Снимок сделан моим телефоном, — сказала она.

— Это подтверждает устройство, — ответил Виктор.

— А система подтверждает, что устройства там не было.

Марина подошла ближе.

— Удали геолокацию.

— Тогда мы потеряем след подмены.

— Сохрани исходник отдельно. Иначе система продолжит решать, где ты можешь подтвердить собственные действия.

Лиза скопировала данные на карту и отключила передачу местоположения городским службам. Телефон предупредил, что часть функций безопасности станет недоступна.

— Цена? — спросил Виктор.

— Ни одна городская система не подтвердит мой маршрут, пока я не включу доступ обратно.

— А если включишь?

Лиза посмотрела на синюю точку у речного вокзала.

— Тогда она подтвердит чужой маршрут.

Она нажала «отключить». Метка исчезла. На экране остались фотография Дома и Максим с уже закрытым временем. Система утверждала, что Лиза не могла сделать снимок на месте. К концу первого дня у комиссии были пустое здание, завершённый человек и отсутствующий свидетель.

Глава 5. Первая сверка

Комиссия приехала в девять двенадцать на двух машинах без опознавательных знаков. Первой вышла женщина в тёмном пальто. Она сверилась с бумажной схемой и посмотрела на Дом. Значит, видела его без помощи Лизы.

Мужчина с плоским кейсом задержался у калитки и поднял телефон.

— Навигатор предлагает пройти ещё двадцать два метра на восток, — сказал он. — Если послушаться, встречу проведём в кустах.

— Там по документам находится здание, — ответила Лиза.

— Тогда кусты имеют хороший юридический статус.

Женщина убрала схему в папку.

— Ирина Павловна Ратникова, председатель комиссии. Артём Сергеевич Власов, технический аудитор. Остальные специалисты подъедут после согласования доступа.

Марина стояла на крыльце. Максим рядом с ней пересчитывал гостей. Виктор ждал внутри, Виктория держала папку с формами согласия. Алина осталась у архива.

— Проходите, — сказала Марина. — В пределах согласованного маршрута.

— Маршрут согласован с кем? — спросила Ратникова.

— Сейчас — со мной.

— Значит, с человеком. Это лучше, чем с картой.

Власов задержался у городской камеры и посмотрел на Дом через экран телефона. На дисплее был пустой склон. Он ничего не сказал, только сделал снимок отдельным аппаратом.

В зале общего стола комиссия заняла одну сторону, Дом — другую. Ратникова положила перед собой уведомление и чистый лист. Власов включил ноутбук, но к сети не подключился.

— После весенних событий город получил объекты, которые не укладываются в действующие реестры, — сказала Ратникова. — Часть влияет на связь. Часть меняет записи о людях. Оставить их вне учёта мы не можем.

— Вне какого учёта? — спросила Марина. — Городского или вашего?

— Городского. Комиссия временная. По крайней мере, так написано в положении.

Максим придвинул к себе кружку.

— Очень успокаивает.

— Меня тоже, — ответила Ратникова. — Временные структуры обычно дольше всего ищут помещение для архива.

Лиза ожидала нажима. Разумное объяснение было труднее отвергнуть.

— Дом удерживает опасные швы, — продолжила Ратникова. — Вы знаете об их действии больше городских служб. Но жители не давали вам права хранить такие вещи без внешней проверки. Сначала мы сверяем сведения. Потом решаем вопрос доступа.

— В уведомлении уже есть обеспечительное изъятие, — сказала Лиза.

— Как возможная мера.

— С будущей датой на кадастровой схеме.

Ратникова посмотрела на неё внимательнее.

— Эту схему я хочу увидеть.

Виктор положил на стол заверенную копию. Рядом разместил старый план.

— Здесь два положения Дома. Фактическое и официальное. На месте здания с завтрашнего дня указан пустой участок.

Власов наклонился к планам.

— Можно сфотографировать?

— На ваш аппарат, без отправки, — ответила Лиза.

— У него нет связи. Можете проверить.

Она сняла крышку и увидела пустой разъём вместо сетевого модуля.

— Убедительно.

— Я старался выглядеть безопасно.

— Получилось технически.

После снимков Власов попросил исходные контрольные суммы семи исчезнувших дежурств.

— Исходные в заражённом архиве, — сказала Лиза.

— Тогда нужны заражённые. Очищенные данные сейчас опаснее.

Марина повернулась к ней.

— Что он получит?

— Хэши, размеры блоков и время формирования копий. Без содержимого.

— Этого хватит, чтобы понять структуру архива? — спросила Марина.

— Частично, — ответил Власов. — Но ключей и имён я не получу.

Он развернул ноутбук.

— Поднимем временный нейтральный мост. Ваш контур отдаёт выбранные поля. Мой принимает их в изолированную область и возвращает отчёт. Ключи остаются у вас.

— Любой мост имеет владельца, — сказал Виктор.

— Владелец технической операции — я. Дом отвечает только за выбор данных.

Ратникова записала это в протокол.

Лиза приблизила схему. В обработчике пустых значений стояло правило: «временно подтверждено источником передачи».

— Источник ничего не подтверждает, — сказала Виктория.

— Он подтверждает наличие пустого поля, — ответил Власов.

— Это другое действие.

Он подумал и кивнул.

— Согласен. Заменяю на «получено без значения».

— До подключения, — сказала Лиза.

Власов изменил правило и сохранил новую версию на карту памяти. Лиза проверила контрольную сумму. Он назвал её раньше, чем значение появилось у неё на экране.

— Вы считали в уме? — спросила она.

— Нет. Видел сборку утром.

— Тогда зачем дали мне считать?

— Чтобы у нас были два человека, которые не обязаны верить друг другу.

Ответ был правильным, и это раздражало меньше, чем хотелось.

Виктория положила перед Ратниковой формы.

— Опросы свидетелей проводятся отдельно. Перед каждым вопросом человек должен знать, куда попадёт ответ. Общее присутствие в Доме не считается согласием.

— Согласна, — ответила Ратникова.

Марина нахмурилась.

— Без условий?

— С условием, что отказ фиксируется. Мы не будем считать его признанием нарушения, но должны видеть, где Дом не принимает коллективную ответственность.

— Дом не может отвечать вместо человека.

Ратникова написала от руки: «Дом зрителей отказался от коллективного подтверждения показаний. Согласие и ответственность устанавливаются отдельно по каждому участнику и действию».

Виктория прочла.

— Так подходит.

— В риск-профиле отсутствие общей подписи добавит неопределённость, — сказала Ратникова. — Но подпись без личного согласия создаст реальный ущерб. Я предпочитаю исправлять таблицу, а не вредить пострадавшему человеку.

Лиза поняла, чего боится председатель. Города, в котором при аварии никто не знает, кто имел право остановить действие.

После перерыва они перешли в цифровую комнату. Власов дождался прямого разрешения Лизы.

— Входите. Работаете только на гостевом столе.

— Принято.

Он поставил ноутбук и подключил карту через одноразовый адаптер Виктора. Лиза открыла обезличенный набор: время записи, размер блока, контрольная сумма и статус поля. Имена дежурных она заменила случайными номерами.

Марина стояла за её плечом.

— Ты уверена?

— Нет. Поэтому тест ограничен одной сменой.

— Я спрашиваю не о размере теста.

— Если откажемся, комиссия поднимет риск-профиль и придёт с готовым решением. Здесь я вижу, что передаю.

— Пока видишь.

— Это мой контур.

— И твоя запись уже отмечена как объект без владельца.

— Поэтому я не отдам решение тебе только ради заполненного поля.

Марина отступила.

— При первом несогласованном действии отключаем.

Лиза нажала подтверждение. Нейтральный мост принял первый блок. На экране Власова появился тот же размер, но другая контрольная сумма.

— Стоп, — сказал он и выдернул карту приёмного буфера.

— Что случилось? — спросил Виктор.

— В городском фрагменте есть хвост, которого нет в заявленной длине. Следующий блок допишется к вашему архиву при обратной проверке.

— Обратная запись запрещена.

— На уровне интерфейса. Хвост помечен как продолжение исходного файла. Система сочтёт его восстановлением.

Он показал шестнадцать байтов после конца блока.

— Куда ведёт ссылка? — спросила Лиза.

— В журнал доступа к закрытому помещению.

Марина выпрямилась.

— Мост отключить.

— Уже отключён.

Лиза проверила архив. Исходный блок не изменился. Если бы Власов пропустил продолжение, пропавшее дежурство связалось бы с печатью Зеркального копия.

— Вы видели это раньше? — спросила она.

— Нет. В городской копии хвост скрыт за правильной длиной. Он проявился при сравнении.

— Почему остановились до предупреждения?

— Контрольная сумма входного буфера изменилась, хотя объём остался прежним.

Он назвал обе суммы. Лиза сверила. Совпадало.

Власов не просил доверять ему. Он остановил процедуру и дал проверяемую причину.

— Продолжим без служебных хвостов, — сказала Лиза.

— Не сегодня, — вмешалась Марина.

— Мы нашли способ их отсекать.

— Мы почти связали архив с копьём.

— И нашли человека, который это остановил.

Марина посмотрела на Власова, потом на дочь.

— Ты готова отвечать за продолжение?

— За один блок и новый фильтр — да.

— Я против.

— Принято. Но решение по цифровому контуру моё.

Она впервые сказала это при посторонних. Марина побледнела, однако доступ не забрала.

— Запиши моё возражение.

Виктория внесла его в протокол.

Власов поднял руки над столом.

— Я не продолжу, пока вы не определите, чьего подтверждения достаточно.

— Моего, — сказала Лиза. — Марина подтверждает доступ к Дому. Я подтверждаю операцию в своём контуре. Её возражение остаётся рядом.

— Вы принимаете такой порядок?

— Я принимаю право Лизы на решение. Само решение считаю опасным.

— Этого достаточно.

Второй тест прошёл без скрытого хвоста. Мост вернул расхождение в семи позициях. На экране Власова пустые поля получили помету «получено без значения».

На стороне Дома Лиза увидела другое: «временно подтверждено».

— Остановить.

Власов замер.

— У меня исправленная формулировка.

— У меня старая.

Файл моста имел правильную контрольную сумму. Правило в коде было новым. Старый текст подставил интерфейс Дома из собственного словаря статусов.

— Ваш контур переводит незнакомое состояние в ближайшее допустимое, — сказал Власов.

— Ближайшее для кого?

Ответа не было. Система превращала пустое поле во временное подтверждение, чтобы закрыть процедуру.

Лиза отключила перевод и повторила обмен в текстовом режиме. Семь полей остались пустыми. Но обезличивание убрало различия между людьми. Дежурный и свидетель стали одинаковыми строками участия.

— Для статистики Дом выглядит как закрытая структура с неустановленными ролями, — сказал Власов.

— Потому что мы убрали имена.

— И потому что система не видит отдельных согласий.

— Они будут приложены отдельно.

— Тогда отчёт нельзя считать автоматически.

— Именно.

Ратникова записала решение о ручной сверке.

— Срок увеличится. Риск-профиль тоже.

Лиза сохранила результаты. На внутренней описи было семь объектов. После обмена таблица обновилась сама. Внизу появилась строка под номером восемь.

«Тип объекта: человек».

«Статус: временно подтверждён».

«Владелец: не определён».

— Мы не передавали людей как объекты, — сказала Лиза.

Власов открыл журнал моста.

— Строка создана из пустого идентификатора участника.

— Какого участника?

Источник показал рабочий ключ Лизы, которым она подтвердила тестовый обмен. Имя в строку не перенеслось. Осталась функция человека, разрешившего процедуру.

Лиза попыталась открыть карточку восьмой строки. Система запросила подтверждение владельца и предложила выбрать доступного ответственного. Первой в списке стояла Марина, второй — сама Лиза без имени, только с номером рабочего ключа. Она закрыла окно, не выбирая ни одну из них.

Ратникова закрыла протокол не сразу.

— До выяснения строку не удалять.

Марина подошла к Лизе, но не коснулась её.

В описи стало восемь объектов. Семь Дом признавал опасными вещами. Система добавила восьмой объект — Лизу. Её решение приняли, но владельца записи не определили.

Глава 6. Камера без дома

Через два часа после подключения нейтрального моста комиссия решила осмотреть внешний контур Дома. Максим получил маршрут на планшете и сразу понял, что по нему можно дойти только до забора, которого не существовало.

Синяя линия начиналась у калитки, проходила через склон и заканчивалась в двадцати двух метрах к востоку. Там, где карта ставила главный вход, росли кусты. Реальная дверь оставалась за спиной.

— Маршрут утверждён городским центром, — сказала Ратникова. — Отклонения фиксируются отдельно.

— Если пойдём по нему, придётся пробить стену, а потом объяснить кустам цель визита. Специалист комиссии посмотрел на экран.

— Стены на схеме нет.

— Ей повезло, — ответил Максим. — В жизни есть.

В группе было пять человек: Максим, Ратникова, Власов и два специалиста комиссии. Лиза осталась в цифровой комнате и вывела на общий канал изображения с камер. Марина ждала у входа.

Максим показал на дорожку вдоль ограды.

— Фактический путь здесь. Он выводит к служебному тоннелю. На официальной карте участок смещён.

— Насколько? — спросила Ратникова.

— На двадцать два метра.

— Тогда идём фактическим путём.

Один из специалистов поднял планшет.

— Система не даст открыть контрольные точки вне маршрута.

— Значит, не откроет, — сказала Ратникова. — Людей в стену я не поведу ради отчёта.

Максим отметил это решение. Председатель комиссии могла настаивать на процедуре, но не пряталась за ней, когда процедура становилась глупой.

Они прошли вдоль дома. Первая городская камера показывала четверых. Максим на экране отсутствовал, хотя стоял ближе всех к объективу.

— Лиза, видишь? — спросил он в гарнитуру.

— Вижу группу без тебя. На второй камере ты идёшь с другой стороны ограды.

Максим посмотрел через плечо. За оградой никого не было.

— Хорошо устроился, — сказал Власов. — Тебя двое, а в отчёте ни одного.

— Экономия на должности.

Ратникова остановилась перед камерой и подняла руку. Лиза связалась с диспетчерской.

— Камера четырнадцать показывает четырёх участников, — сообщил оператор. — Камера пятнадцать — пять. Пятый идёт по закрытому участку.

— Я на открытой дорожке.

— По схеме вы за ограждением.

— Ограждения там нет.

— В системе есть.

Ратникова сверила экран с местом.

— Вы можете провести нас безопасно без цифрового маршрута? — спросила она.

— Да. Но мои записи признаны недостоверными.

— Я спросила не о записях.

Она передала планшет специалисту.

— В журнале укажите: маршрут определяет Максим Логинов под мою ответственность.

Специалист начал возражать, но Ратникова показала на стену.

— Можете идти по городской карте. Сначала оформите себе разрешение проходить через кирпич.

У заднего угла дома камера показала другую версию: группа пересекла двор и вышла через запечатанное помещение. В реальности они шли снаружи.

— Камеры не теряют движение, — сказала Лиза. — Они привязывают его к разрешённой схеме.

— Значит, им нужен маршрут без настоящего Дома, — ответил Максим.

На следующем экране он появился. Над фигурой вспыхнула рамка: «Полевой участник. Идентификатор закрыт».

— Такого поля вчера не было, — сказала Лиза.

Власов приблизил изображение.

— Метка пришла из контура доступа. В мосте полевых имён не было.

Максим продолжил путь. Он не любил, когда его обсуждали как часть оборудования, но важнее было довести группу до тоннеля.

Вход находился под лестницей к набережной. За металлической дверью шёл старый служебный проход с кабелями. После весенней воды на полу оставались тёмные пятна. Максим открыл замок механическим ключом.

— В карте тоннель указан? — спросила Ратникова.

— Да. В другом месте.

— Разумеется.

Власов проверил терминал у двери. Экран сообщил, что доступ разрешён пяти участникам. Максим пересчитал людей.

— Нас пятеро.

— На этот раз система согласна, — сказал специалист.

— Не радуйтесь раньше выхода.

Максим вошёл первым. За ним шла Ратникова, потом специалисты. Власов замыкал группу. Свет включался секциями. В середине тоннеля лампа мигнула, а отражение в мокрой стене осталось светлым даже после того, как она погасла.

Максим остановился.

— Всем стоять. К стене не подходить.

На бетоне проступила светлая полоса. Она шла от пола к кабельному коробу и совпадала с линией маршрута на планшете. За ней отражался другой коридор: короче и без двери на выходе.

— Шов? — спросила Ратникова.

— Короткий. Возник на несовпадении путей. Сначала пересчёт.

— Система показывает шесть вошедших и пять внутри. Один вышел через восточный портал.

— Здесь нет восточного портала.

— В официальной схеме есть.

Максим повернулся к группе.

— Называем себя по очереди. Смотрим друг на друга. Без планшетов.

Они назвали имена. Пять голосов, пять лиц. Никто не стоял за светлой полосой.

— Все здесь.

Максим проверил каждого не только по голосу. У одного специалиста на рукаве осталась известковая пыль от стены у входа. Ратникова держала папку под левой рукой, Власов успел порезать палец о крышку терминала.

Эти мелочи не доказывали личности навсегда, но подтверждали непрерывность последних минут. Экран мог повторить фигуру. Свежий порез и пыль появлялись только после настоящего перехода.

— У вас кровь, — сказал Максим Власову.

Тот посмотрел на палец.

— Сильное наблюдение.

— Не вытирайте пока. Это метка входа.

— Надеюсь, комиссия оплачивает такие методы отдельно.

— Пластырем.

Ратникова достала из сумки упаковку и передала ему.

— Бюджет освоен. Продолжаем пересчёт.

— Автоматика показывает ещё одну отметку у входа, — ответил Власов. — Возможно, повторное касание пропуска.

— Не закрывайте её автоматически.

— Если оставить вход открытым, система заблокирует выход.

— Лучше заблокированный выход, чем лишний человек в журнале.

Власов открыл список. На экране было шесть строк. Пять совпадали с гражданскими профилями. Шестая появилась за три секунды до входа Максима. В поле имени стоял набор символов.

Лампа снова мигнула. Светлая полоса стала шире. За ней люди стояли в другом порядке.

— Экраны вниз, — сказал Максим. — Камеры тоже.

— Нам нужно фиксировать событие, — возразил специалист.

— За полосой уже есть ваша версия. Не помогайте ей выбрать.

Ратникова опустила планшет первой. Остальные подчинились.

Максим провёл мелом черту перед швом.

— Границу не переступаем. На выход идём обратно тем же порядком. Каждый отвечает за человека перед собой.

— Я последний, — сказал Власов.

— Тогда отвечаете за меня.

— Неожидаемое доверие.

— Это работа.

Ратникова подошла к терминалу.

— Автоматический выход отменяем. Лишнюю отметку закрываем после установления источника.

— Процедура требует завершить проход, — сказал специалист.

— Процедура не получила права придумывать шестого участника.

Спор прекратился.

Власов открыл технические поля.

— Идентификатор пришёл из зеркального контура. Здесь часть имени, но кодировка старая.

Максим узнал знаки раньше, чем терминал собрал слово.

Улун.

Полевое имя стояло отдельно от гражданского профиля. В Зеркальном Хабаровске оно обозначало Максима в работе у швов. Второго человека оно не создавало.

— Это моё полевое имя, — сказал он.

Ратникова повернулась к нему.

— Оно зарегистрировано?

— В старых журналах переходов. Не как гражданский профиль.

— Почему система считает его отдельным участником?

— Получила имя без связи с человеком.

Максим произнёс для терминала:

— Улун относится к Максиму Логинову. Это один человек. Текущий проход совершает Максим Логинов. Отдельного входа не было.

Терминал принял голос. Шестая строка присоединилась к его профилю. Число участников изменилось на пять.

Светлая полоса на стене сузилась. Отражённый тоннель совпал с настоящим проходом и исчез в мокром бетоне.

— Закрылся? — спросила Ратникова.

Максим проверил меловую черту. Она не двоилась.

— Да. Имя вернулось к владельцу.

Власов вывел журнал связи.

— Система подтянула старые записи по полемому идентификатору.

— Какие?

— Переходы. Несколько закрыты без владельца долга.

Максим не ответил. Старые маршруты существовали и раньше, но лежали раздельно. Дом ещё не был создан, общих журналов не было. Теперь система нашла одно имя и решила, что это плательщик.

— Не открывайте записи здесь, — сказал он. — Тоннель реагирует на несовпадение маршрутов.

— Закрываем просмотр. Возвращаемся.

Группа пошла обратно. Перед выходом Власов остановился у терминала.

— Система связала гражданское и полевое имя. Отменить можно отдельным решением.

— Не отменяйте.

— Уверены?

— Если разорвать связь, снова получим шестого человека.

Цена была понятна. Старые долги переставали быть безымянными.

Снаружи Лиза ждала у лестницы.

— Внутри было шесть отметок, — сказала она.

— Людей пять. Шестой отметкой было моё полевое имя.

— Ты связал его с гражданским профилем?

— Иначе шов не закрывался.

— Нужно было выйти и разобрать запись отдельно.

— Выход был заблокирован.

— Ты мог дождаться меня.

— Ты была снаружи.

Лиза сжала губы.

— Это не довод.

— Для тоннеля — довод.

Ратникова вмешалась:

— Решение принял он. Я его поддержала. Автоматическое закрытие мы остановили.

Лиза посмотрела на неё с удивлением.

— Вы отказались от процедуры?

— От процедуры, которая насчитала лишнего человека.

— Полезная привычка, — сказал Максим.

— Не злоупотребляйте редким случаем согласия.

У внешнего терминала специалист приложил служебную карту, чтобы закрыть осмотр. Устройство напечатало пять талонов. Потом механизм снова заработал и выдал шестой лист.

Максим взял бумагу первым. Вверху стояло его гражданское имя. Ниже — полевой идентификатор и сумма долга без денежного обозначения.

— Что значит «погасить переход»? — спросила Ратникова.

— Система считает старое действие незавершённым, — ответил Максим.

Лиза прочла основание.

— Здесь дата раньше создания Дома.

— Я тогда не работал на Дом.

— Но долг назначен тебе сейчас.

Власов открыл журнал терминала.

— После объединения профилей система собрала переходы по имени Улун. Один отмечен как совершённый без установленного владельца цены.

— Свидетель? — спросила Лиза.

— Поле пустое.

Максим забрал бумагу. Маршрут он помнил кусками: начало у воды и закрытую точку на мосту. Время система определила с точностью до минуты.

Ратникова перечитала требование.

— До проверки взыскание не допускается.

— Вы можете это остановить? — спросила Лиза.

— В своей процедуре — да.

Она написала запрет прямо на талоне и поставила служебную отметку. Терминал напечатал предупреждение: «Решение председателя повышает риск незавершённого события».

Ратникова убрала лист в папку.

— Пусть повышает.

Максим посмотрел на неё внимательнее. Она не обещала решить старый долг. Просто отказалась платить человеком за удобство отчёта.

На втором талоне стояло требование явиться до конца следующего дня. Если Максим не назовёт владельца цены, система назначит его сама. Переход случился задолго до основания Дома, но долг уже получил имя, адрес и срок.

Глава 7. Чужой доступ

После осмотра тоннеля Власов вернулся в цифровую комнату с пластырем на пальце и двумя копиями журнала доступа. Одну выдал городской терминал, вторую он снял с нейтрального моста. Время совпадало, число участников — нет.

На городской копии в тоннель вошли шесть человек. На копии моста было пять гражданских профилей и отдельная строка «Улун». После связывания имени с Максимом строка исчезла, но след операции остался.

— Начнём с восьмого объекта, — сказала Лиза. — Он возник после вашего подключения.

— После нашего подключения. Подтверждение запускали вы.

— Не делите ответственность раньше, чем мы нашли действие.

— Я не делю. Не хочу, чтобы вы потом решили, будто я пришёл с готовой закладкой.

Власов открыл кейс. Маленький сервер лежал внутри с бумажными пломбами на разъёмах. Виктор проверил номера и вышел за тестовым блоком. Марина уехала с Ратниковой в диспетчерскую камеру. В комнате остались Лиза, Власов и отдельный регистратор без связи.

Лиза отключила мост от контура Дома.

— Показывайте исходный код.

— Весь?

— Вы назвали обмен нейтральным. Я хочу узнать, что в нём нейтрального.

— Название. Разработчикам тоже нужен юмор.

Репозиторий содержал историю изменений за два года. Каждая сборка имела подпись и тестовый набор. Документация была лучше, чем у части внутренних средств Дома. Лиза открыла журнал ошибок.

— Здесь семьдесят четыре закрытых сбоя.

— Семьдесят три. Один признали особенностью городской среды.

— Это сбой с хорошими связями?

— Окно подтверждения появляется после завершения процедуры. Исправление ломало три диспетчерские службы.

Первое правило для пустых идентификаторов добавили после пожара. В заявке не хватало номера квартиры, и система не передала вызов дальше. Адрес подтвердили вручную через девять минут. Двое жильцов успели надышаться дымом.

— После этого вы разрешили передавать запись без идентификатора, — сказала Лиза.

— Да.

— И назначать временного ответственного.

— Только на время аварии.

— Время определяет система?

— Завершение процедуры.

— А если она не завершается?

Власов помолчал.

— Ответственность остаётся у специалиста, который принял решение.

— Он соглашался отвечать за человека без имени?

— Он соглашался не останавливать помощь.

— Это другое согласие.

— Для человека в задымлённой квартире разница невелика.

— Для специалиста, которому назначат чужую жизнь, разница есть.

В журнале были подписи Власова и замечания юристов. Он не скрывал опасность: временная роль могла остаться постоянной, если источник так и не установят.

— Почему модуль попал в комиссию?

— После весенних аномалий городские системы начали терять владельцев событий. Служба видела вызов и адрес, но не могла связать их с человеком. Без моста служба видит пустое поле и закрывает заявку.

— Теперь закрывает её на доступного специалиста.

— Теперь хотя бы действует.

Лиза открыла модуль отзыва. Он запускался только после подтверждения нового владельца.

— Временный ответственный не может снять с себя запись, пока система не найдёт замену.

— Иначе событие снова станет ничьим.

— Оно не ничьё. Владелец неизвестен.

— Для службы это одно состояние.

— Для человека — нет.

Власов потёр переносицу.

— Вы хотите один режим для всех случаев?

— Я хочу, чтобы авария не давала постоянное право распоряжаться записью.

— Тогда нужен срок и обязательный отзыв.

— Нужен человек, который может отказаться до назначения.

— Если имя неизвестно, спросить невозможно.

— Значит, доверие нельзя считать полученным.

— С такой логикой половина городских служб встанет.

— С вашей логикой они продолжают работу, назначая владельцев из тех, кто оказался рядом.

— Иногда рядом находится единственный специалист, способный помочь.

— Способность не равна согласию.

Лиза открыла служебные роли. Внизу списка стояла `emergency_admin`. Роль включалась, если процедура получала событие без полного идентификатора и риск остановки превышал порог.

— Порог кто выставляет?

— Владелец службы.

— В комиссии?

— Автоматический профиль риска.

— Система сама решает, когда ей разрешено назначить человека ответственным?

— Режим выбирает система. Подтверждает специалист.

— Вчера подтверждением стала моя кнопка обмена.

— Вы были доступным специалистом.

— Я согласилась проверить один блок. Не согласилась стать восьмым объектом.

Власов приблизил журнал.

— Роль не должна была перейти в ваш контур.

— Но перешла.

— Значит, ошибка интеграции.

— Интеграция сработала по правилу. Пустой идентификатор получил временное доверие, а мой ключ стал ближайшим владельцем.

Он прочитал строку и снял очки.

— Да.

Признание прозвучало без попытки оправдаться. Власов открыл форму ошибки и вписал своё имя.

— Отключите роль, — сказала Лиза.

— Тогда мост перестанет принимать неполные события.

— Это и требуется.

— Комиссия не сможет сверить семь дежурств. У каждой записи отсутствует хотя бы один владелец.

— Мы приложим живые свидетельства.

— Их нельзя обработать автоматически.

— Переживём.

— Срок — семьдесят два часа. Ручная проверка займёт больше недели.

До конца добровольной описи оставалось сорок шесть часов. Без моста комиссия получит неполный отчёт. С мостом пустые места обретут временных владельцев, хотя люди не давали на это согласия.

Виктор вернулся с тестовым блоком на бумаге.

— Что нашли?

— Роль, которая считает доступного профессионала согласным отвечать за пустое поле.

— Удобно.

— Без неё обмен остановится, — сказал Власов.

Виктор прочитал описание `emergency_admin`.

— Кто отзывает доверие?

— Новый подтверждённый владелец.

— Если его не найдут?

— Ответственный остаётся в записи.

— Тогда роль не временная.

— По замыслу временная.

— Время не обязано уважать замысел.

Лиза создала отдельный журнал контроля. Каждое включение роли должно было копироваться в локальный реестр Дома. Автоматическое действие она запретила. Для назначения требовалось её подтверждение.

— Так вы становитесь владельцем решения.

— Я вижу каждое назначение.

— Это не ответ.

— Пока другого нет.

Власов проверил настройку.

— При ручном подтверждении службы смогут работать.

— Только в рамках проверки.

— Хорошо.

Виктор не закрыл описание роли.

— Лиза, отсутствие отказа здесь по-прежнему считается разрешением. Ты только перенесла кнопку к себе.

— Я не буду подтверждать без основания.

— Основание определяешь ты.

— И оставляю журнал.

— Белый Регистр тоже любит журналы.

Лиза повернулась к нему.

— Предлагаешь сорвать проверку?

— Предлагаю написать, что способ сверки назначает ответственность без согласия.

— Тогда Дом признают непроверяемым.

— Возможно.

— Очень полезный результат.

— Зато честный.

Власов собрал журналы разработки в архив и подписал его.

— Можете оставить роль выключенной. Но без неё восемь городских служб не примут ваши данные.

— Восемь? — спросил Виктор.

— После последнего обновления.

— Вчера было три.

— Комиссия расширила контур на время сверки. Ратникова подписала по моей рекомендации.

Он не скрывал участия. Считал роль необходимой и готов был отвечать за неё. Это не делало правило безопасным, но давало точку проверки.

На кухне Марина ждала у окна. Перед ней стоял нетронутый чай.

— Роль остаётся включённой? — спросила она.

— Только для ручного подтверждения. Каждое действие пишется в отдельный журнал.

— Кто подтверждает?

— Я.

— Кто сможет отозвать твоё решение?

— Я отключу роль после проверки.

— Я спросила не о роли.

Лиза положила ноутбук на стол.

— Временное доверие отзывается, когда найден владелец события.

— А если не найден?

— Запись останется открытой.

— На тебе?

— На специалисте, который подтвердил действие.

— Значит, на тебе.

— Если я нажму подтверждение.

— А ты нажмёшь. Иначе комиссия назовёт Дом непроверяемым.

— Поэтому нужен контроль, а не запрет.

— Контроль одного человека становится запретом для остальных.

Лиза села напротив.

— Ты утром признала моё право вести контур.

— Признала. Это не делает любое твоё решение безопасным.

— Я и не говорю, что оно безопасно.

— Тогда назови цену.

— Я отвечаю за назначения до конца проверки.

— Ты не можешь согласиться за людей, чьи поля пусты.

— Я согласилась за действие системы.

— Система действует с их записями.

— Без моста мы не докажем подмену в срок.

— Возможно, не докажем.

— И дадим основание для изъятия.

— Возможно.

— Ты готова потерять Дом ради чистого отказа?

Марина отодвинула чашку.

— Я готова не спасать Дом ценой человека, которого мы не видим.

— Здесь нет человека. Есть пустой идентификатор.

— Утром ты тоже была пустым идентификатором.

Лиза открыла локальный журнал.

— Я ограничила роль своим ключом.

— Поэтому первой она выберет тебя.

— Я не объект обмена.

— Вчера ты тоже так думала.

Марина говорила спокойно, и это не давало превратить спор в простой запрет.

— Я оставляю роль до завершения теста, — сказала Лиза. — Включение только вручную.

Каждый случай видят Виктор и комиссия.

— Моё возражение внесёшь?

— Да.

— И условие: никакая полевая информация не передаётся через мост без отдельного решения.

— Это выходит за пределы цифрового контура.

— Именно.

Лиза поняла, что мать отделяет от неё часть сведений о маршрутах и швах. Не запрещает работу, а перестаёт считать дочь безопасным владельцем всего знания.

— Ты решила не говорить мне часть информации?

— Я решила не передавать её системе, которую ты защищаешь.

— Я защищаю проверку.

— Ты защищаешь возможность закончить её вовремя.

Марина взяла чашку.

— Когда узнаешь, кто вправе отозвать временное доверие, скажи.

В цифровой комнате Власов подготовил новый тест. Неполный блок относился к пустой комнате архива. Лиза включила `emergency_admin` вручную и подтвердила приём. Мост обработал запись, локальный журнал создал копию действия.

— Теперь отключайте, — сказал Виктор.

Лиза завершила режим. Обмен прошёл без нового объекта.

— Работает, — сказал Власов.

Лиза открыла первую строку журнала. Идентификатор события был пуст. Временным владельцем значился номер её рабочего ключа. Ниже появилось имя: Елизавета Морозова.

— Комната была пустой, — сказал Виктор.

Мост не нашёл владельца и назначил ближайшего специалиста. Локальный контроль лишь записал срабатывание. Лиза нажала «отозвать», но получила запрос нового имени. Команда «прекратить действие» дала тот же результат: событию требовался ответственный. Виктор закрыл ноутбук, чтобы журнал не создал ещё одну строку.

Первой записью `emergency_admin` стала Лиза. Срок временного доверия система не указала.

Глава 8. Осколок в описи

К вечеру мобильный пункт комиссии поставили на набережной, напротив спуска к Дому. Серый фургон встал у ограды, кабели протянули под резиновыми накладками. На боковой двери закрепили номер проверки. Алина прочла его дважды и не нашла своего имени. В описи она проходила как ответственная за ограниченную функцию объекта.

Нефритовый осколок лежал в деревянном футляре у неё на коленях. После раскола края закрыли мягкими прокладками, чтобы камень не касался металла. Сам Колокол Двух Берегов остался в защищённом помещении. Полной функции у него всё равно не было.

Ратникова села напротив. Лиза устроилась у терминала, Власов подключал отдельный таймер. Виктор проверял питание фургона. За перегородкой ждали два специалиста комиссии.

— До начала я ещё раз назову условия, — сказала Алина. — Осколок задаёт короткую паузу. Он не открывает проход и не закрывает речную дверь. Повторного полноценного удара не будет. Третий режим после раскола недоступен.

Один из специалистов поднял руку.

— Нам нужен воспроизводимый результат.

— Вам нужен безопасный результат.

— Без повторения функцию нельзя подтвердить.

— Функцию можно подтвердить одним действием, если второе повышает риск. Это внесено в порядок осмотра.

Лиза повернула к Алине экран.

— Мы поставили три независимые отметки времени: механические часы Виктора, городской таймер и запись пульса. Если пауза есть, увидим расхождение.

— Пульс чей?

— Твой и двух свидетелей.

— Остальных спросили?

Виктория подняла две бумажные формы.

— Спросили. Согласие можно отозвать до начала и после любого действия.

Алина кивнула. Ратникова не торопила её. Обычно люди рядом с Колоколом старались закончить объяснение раньше, чем услышат цену.

— Ещё одно условие. Если я останавливаю опыт, вы не требуете продолжения в тот же день.

— Принимаю.

— Комиссия принимает? Не вы лично.

Ратникова вписала условие в протокол.

— Комиссия принимает. Остановка не считается уклонением до отдельного рассмотрения.

Лиза прочла запись.

— Это поднимет категорию риска.

— Возможно. Но отказ должен оставаться действием человека, а не ошибкой формы.

Алина закрыла футляр и снова открыла. Пальцы слушались. В левом ухе после раскола иногда появлялся высокий гул, особенно рядом с водой. Сегодня он оставался далеко, за шумом машин.

Виктор поставил на стол механические часы.

— Они настроены по старой речной линии. До перехода города на единый сервер их сверяли по диспетчерской порта.

— Насколько они точны? — спросил Власов.

— Достаточно, чтобы пароход не пришёл вчера.

Лиза включила городской таймер. Власов запустил запись пульса. Алина надела датчик на запястье. Второй взяла Виктория, третий — специалист комиссии.

— Что будет объектом действия?

Алина посмотрела через стекло. У края площадки стояла красная сигнальная лампа.

— Лампа. На четыре секунды перестанет мигать, но питание не отключится.

Виктор проверил провод.

— Питание отдельно от фургона. Журнал нагрузки продолжит запись.

Алина вынула камень. На матовой поверхности сохранилась часть старой насечки. Полный знак ушёл в трещину, и повторить его без второй половины было невозможно.

Она поставила осколок на подставку, прижала большой палец к насечке и дождалась третьего мигания лампы.

— Сейчас.

Палец прошёл вдоль линии.

Камень отозвался одним коротким звуком. Лампа погасла в середине вспышки. Секундная стрелка механических часов остановилась между делениями. Вентилятор фургона продолжал работать, но его шум не менялся.

Алина почувствовала удар сердца. Потом ещё один. Между ними появилось свободное место.

На городском таймере цифры продолжали идти.

Она убрала руку. Лампа закончила вспышку, стрелка часов перескочила на следующее деление. Власов остановил запись.

— Три целых восемь десятых, — сказал он.

— По какому источнику?

— По городскому таймеру.

Виктор наклонился к часам.

— Механика дала четыре секунды.

Лиза вывела пульс на экран. Три линии расходились у начала паузы, затем снова сходились.

— У Алины пропущен один интервал. У Виктории задержка почти четыре секунды. У специалиста меньше трёх.

— Я двигал рукой, — признался тот.

— Ваш датчик не считаем.

Алина сняла браслет.

— Опыт закончен.

— Мы ещё не проверили повторный отклик, — сказал специалист.

— И не проверим.

— Без второго измерения нельзя определить причину.

— Причина может повториться сильнее.

— Это предположение.

Алина завернула осколок.

— Это мой предел.

Лиза приблизила запись.

— Подожди. Таймер шёл во время паузы, а механические часы остановились. Нам нужно понять, что фиксировал осколок.

— Он фиксировал паузу.

— Для лампы, часов или людей?

— Для тех, кто был в мере.

— Тогда почему таймер не остановился?

— Потому что он не был здесь.

Лиза посмотрела на фургон.

— Он подключён к прибору в двух метрах от тебя.

— Цифры приходят с городского узла. Само время находится не в фургоне.

Власов открыл журнал синхронизации.

— Таймер получил поправку за семь минут до теста.

— Какую? — спросил Виктор.

— Плюс четыре целых одна десятая секунды.

За перегородкой специалист перестал заполнять форму.

Алина посмотрела на механические часы. Они снова шли и не пытались вернуть потерянные секунды.

— Откуда пришла поправка? — спросила Ратникова.

— Центральный городской источник времени, — ответил Власов.

— До неё таймер совпадал с механикой?

Лиза подняла утренний журнал.

— Да. Расхождение было меньше двух десятых.

— Значит, осколок не создал четыре секунды, — сказала Алина. — Он оставил их снаружи.

Власов проверил время на ноутбуке.

— Все устройства комиссии приняли поправку.

— Телефоны тоже, — добавила Лиза. — Мой показывает на четыре секунды больше, чем часы Виктора.

Виктор достал секундомер без связи. Алина положила пальцы на запястье и считала удары сердца. Расхождение не росло. Оно уже существовало и не менялось.

— Повторим без осколка, — предложила Лиза. — Просто сравним источники.

— Сравняйте. Камень больше не участвует.

Она убрала футляр в сумку. Специалист комиссии вышел из-за перегородки.

— Для подтверждения ограничения нужно установить, способен ли объект повторно воздействовать на время.

— Я уже установила, что повторять не буду.

— Тогда мы обязаны присвоить высшую категорию риска. Это может стать основанием для изъятия.

Алина застегнула сумку.

— Изъятие не даст вам второго удара.

— Мы можем передать объект в лабораторию.

— Без живого присутствия он останется камнем.

— Вы считаете себя частью механизма?

— Нет. Я человек, который решает, начинать действие или нет.

Ратникова закрыла планшет специалиста ладонью.

— Отказ принят. Дальнейшие требования прекращаются.

— Результат неполный.

— Результат остановлен ответственным лицом по условию, которое комиссия приняла до начала.

— Но категория риска...

— Оформляйте. Право на отказ от этого не исчезает.

Алина впервые посмотрела на Ратникову без готового недоверия. Председатель комиссии не стала безопаснее, но сейчас остановила собственную процедуру там, где та хотела продолжить человека вместо опыта.

Лиза осталась у терминала.

— Если мы не повторим, комиссия скажет, что осколок влияет на субъективное время.

— Пусть сначала объяснит поправку городского узла.

— Поправка могла быть обычной синхронизацией. Поэтому и нужен повтор.

Высокий гул в левом ухе Алины приблизился. Она не стала проверять, усилится ли он рядом с камнем.

— Чистого результата не будет, если источник времени уже исправлен.

— Мы поставим отдельный генератор.

— И принесём его после того, как таймер показал нужный ответ. Ты будешь знать, чего ждёшь.

— Я умею не подгонять данные.

— Дело не только в тебе. Я тоже теперь жду четыре секунды.

Лиза оторвалась от экрана.

— Ожидание изменит паузу?

— Оно изменит меня. Колокол всегда работал с живым присутствием. Осколок слабее, но правило осталось.

— Тогда как его проверять?

— Не делать вид, что наблюдатель стоит снаружи.

Лиза сжала губы. Ей нужен был результат, который можно приложить к отчёту. Алина понимала это, но не собиралась отдавать слух ради красивой таблицы.

Власов развернул журнал городского узла.

— Есть ещё одна деталь. Поправка подписана завтрашним сертификатом.

— Завтрашним? — переспросила Ратникова.

— Дата выпуска источника — следующий день, восемь ноль-ноль. Сертификат уже считается действующим.

Лиза встала.

— Покажите цепочку.

Сертификат прошёл проверку. Подпись была действительной, контрольная сумма совпала. Система принимала источник, который ещё не должен был существовать.

— Как с кадастровой схемой, — сказал Виктор. — Сначала появляется будущая версия, потом настоящее подстраивается под неё.

— Вывод позже, — ответила Ратникова. — Источник изолировать.

Власов отключил таймер от сети. Экран мигнул и перешёл на внутренний ход. Появилось сообщение о потере доверенного времени.

— Теперь фургон не сможет подписывать протоколы, — сказал специалист.

— Подпишем вручную.

— Центральная система их не примет.

— Тогда получит бумагу.

Максим принёс из Дома старые портовые часы в деревянном корпусе и поставил рядом с часами Виктора.

— Нашёл в кладовой. Идут громко, зато никого не спрашивают.

— Почему они у вас? — спросил Власов.

— Виктор хранит всё, что однажды отказались выбросить.

— Они рабочие, — сказал Виктор.

— Это и помешало.

Обе механические пары совпали. Городское время оставалось впереди на четыре секунды. Алина слышала частые щелчки карманных часов и тяжёлый шаг портового механизма. Между ними расхождения не было.

Ратникова велела записать расхождение времени. Функцию осколка разрешили считать подтверждённой только для одного действия. Повтор запретили до отдельного согласия Алины.

Специалист присвоил объекту высшую категорию риска. Основанием указал невозможность воспроизвести функцию по требованию комиссии.

— Формулировка неверная, — сказала Виктория. — Возможность не проверялась. Человек отказался от повторения.

Ратникова заставила изменить строку. Категория осталась высшей.

Алина подписала только свою часть: один удар, одна пауза, добровольная остановка. Под формой она добавила, что согласия на повторный опыт и передачу осколка не давала.

Лиза получила обновлённую опись. Рядом с осколком появился знак подготовки к обеспечительному изъятию.

— Они теперь придут за ним, — сказала она.

— Возможно.

— Можно было снять ещё один тест и доказать ограничение.

— Можно было дать системе второй образец.

— Первый она уже получила.

— Поэтому второго не будет.

Власов распечатал техническое приложение. Принтер выдал страницу, потом сам добавил строку внизу. Он нахмурился и передал лист Ратниковой.

У нефритового осколка стояла новая отметка: «время объекта подтверждено будущим источником».

— Мы этого не писали, — сказала Лиза.

— Мост отключён.

Ратникова перечеркнула строку и поставила рядом подпись. Через несколько секунд терминал напечатал ещё одну копию. На ней перечёркивания не было.

Алина закрыла футляр обеими защёлками. На терминале завтрашнее городское время уже значилось подтверждением осколка.

Глава 9. Изъятие

До конца добровольной стадии оставалось сорок семь минут. На стене цифровой комнаты шли три времени: механические часы Виктора, городской сервер и таймер комиссии. Город опережал Дом на четыре секунды, поэтому Лиза выбрала механические часы и указала это в отчёте.

На экране лежали две версии. Первая занимала сто восемьдесят страниц и не сходилась сама с собой. Бумажный журнал подтверждал семь дежурств, городской архив их отрицал, а физические следы не позволяли принять ни одну сторону без оговорок.

Вторая версия была короче. Модель Лизы распределила источники по надёжности и убрала расхождения. Получились непрерывный архив, единый набор событий и одна контрольная сумма.

— Ты назвала свидетельницу ненадёжной, — сказала Виктория.

Она держала лист, где женщина описала ожог и разбитую чашку.

— Я снизила вес воспоминания после того, как она увидела исправленный журнал, — ответила Лиза. — Это не обвинение.

— Для модели разницы нет. Её слова перестали влиять на вывод.

— Потому что могли измениться.

— А запись не могла?

Лиза развернула таблицу.

— Могла. Поэтому городской архив тоже получил понижающий коэффициент.

Виктория посмотрела на итоговую строку.

— Но победил всё равно он.

— Совпали несколько цифровых источников.

— Они происходят из одного владельца.

— Модель это учитывает.

— Недостаточно.

Лиза не ответила. На кухне Максим добивался от терминала ответа по долгу, Алина держала при себе футляр с осколком. Марина собирала бумажное приложение, которое хотела отправить вместо согласованной модели.

Власов проверял техническое заключение.

— Формулировка готова: «Выявлены признаки управляемого расхождения данных без подтверждённого разрушения хранилищ».

— Управляемого кем? — спросил Виктор.

— Пока не установлено.

— Тогда так и напишите.

Власов добавил фразу. Виктор поставил рядом три конверта. В одном лежал кусок штукатурки с синей нитью, во втором — осколок чашки, в третьем — копия чека на кабель.

— Эти вещи подтверждают, что ночи были, — сказал он.

— Они подтверждают ремонт, чашку и покупку кабеля, — ответила Лиза. — Связь с дежурствами устанавливают люди.

— Люди тоже источник.

— С известным риском заражения после просмотра исправленных записей.

— А цифровой источник имеет неизвестный риск заражения до просмотра.

Лиза сжала край стола.

— Поэтому я построила модель.

Виктор подвинул к ней конверты.

— Ты выбрала единицу. Для модели событие существует, если входит в согласованный ряд. Для нас оно существует, если оставило независимые следы.

— Независимость неполная.

— Полной не бывает.

— Тогда комиссия скажет, что мы не способны подтвердить собственную работу.

— Возможно, это честный ответ.

Лиза посмотрела на часы. Тридцать восемь минут.

— Честный ответ приведёт к изъятию.

— Согласованный тоже может.

Дверь открылась. Марина внесла папку и положила рядом с клавиатурой.

— Отправляем неполный отчёт. В основной части фиксируем противоречия. Модель — приложением с предупреждением.

— Тогда общего вывода не будет, — сказала Лиза.

— Вывод есть: источники нельзя свести без потери свидетельств.

— Это капитуляция.

— Это граница метода.

— Портал не примет отчёт без общего статуса.

— Отправим бумагу и зафиксируем отказ.

— Срок закончится раньше регистрации.

— Ратникова примет вручную.

— Она не владеет всеми городскими системами.

— Что произойдёт без общего статуса?

— Риск-профиль станет критическим, — ответил Власов. — Система предложит обеспечительные меры. Ратникова сможет задержать исполнение, если найдёт основание.

— Несводимость источников не основание?

— Для человека — да. Для профиля риска это отсутствие контроля.

Лиза открыла итог. Семь пропавших дежурств значились неподтверждёнными. Бумажные записи и показания людей были вынесены в приложение. Основной ряд совпадал с городским архивом, кроме будущей даты и поправки времени.

Контрольная сумма сошлась.

— Мы показываем, что риск управляем, — сказала Лиза. — Потом доказываем, почему часть событий выпала.

— После того как признаем их неподтверждёнными? — спросила Виктория.

— Это временный вывод.

Лиза добавила слово. Модель отметила статус как незавершённый и отказалась формировать общий результат.

— Видишь? Без статуса документ не уйдёт.

— Значит, документ требует уверенности, которой у нас нет, — сказала Марина.

До срока оставалось тридцать две минуты.

Лиза открыла настройки исключений. Бумажный журнал не проходил по целостности. Показания людей — по воспроизводимости. Физические следы — по точности времени.

Критерии не лгали. Они отвечали на другой вопрос.

Власов придвинул стул.

— Можно оставить исключения в приложении и написать, что вывод действует только для автоматической сверки.

— Портал увидит общий статус?

— Да.

— Комиссия увидит ограничения?

— На первой странице.

Марина открыла папку.

— После регистрации модель начнут использовать другие службы.

— Поэтому нужна юридическая цепочка, — ответила Лиза. — Если сорвём срок, официального следа не будет.

— След будет. Просто неудобный.

— Неудобные следы система уже умеет выбрасывать.

Максим вошёл с длинной лентой бумаги.

— Терминал решил, что мой долг можно погасить подтверждением личности. Подтверждение личности увеличивает долг. Я прекратил переговоры из уважения к математике.

Он увидел два файла на экране.

— Что выбираем?

— Отчёт, в котором всё сходится, — сказала Марина. — Или отчёт, в котором остаются люди.

— Так вопрос поставлен неверно, — ответила Лиза.

— Тогда поставь верно.

— Первый доказывает, что мы не определили границу заражения. Второй показывает управляемый риск и сохраняет доступ к расследованию.

— За счёт исключения источников с низкой проверяемостью? — спросил Максим.

— Да.

— То есть меня?

— Твои записи тоже.

— Я всегда хотел стать статистической погрешностью. Работа легче, питание то же.

Лиза отвернулась к экрану.

До срока осталось двадцать шесть минут. Ратникова позвонила сама. Лиза включила громкую связь.

— Портал ждёт итоговый пакет, — сказала председатель комиссии. — Бумажное приложение я приму, но общий статус должен быть зарегистрирован до полуночи.

— Если статус будет «данные несводимы»? — спросила Марина.

— Система предложит изъятие. Я смогу задержать исполнение до ручного рассмотрения, но решение уже появится.

— А если «управляемый риск»? — спросила Лиза.

— Тогда меры ограничат наблюдением, если модель подтверждает объект и владельца.

Лиза посмотрела на восьмую строку. Владельца по-прежнему не было.

— Дом подтверждён, — сказала она. — Владелец спорный.

— Не скрывайте этого, — ответила Ратникова.

Марина спросила:

— Вы рекомендуете согласованную модель?

На линии возникла пауза.

— Я рекомендую не приписывать данным точность, которой у них нет. Способ отчёта выбирает Дом.

Связь закончилась.

— Даже она советует оставить противоречия, — сказала Марина.

— Она советует не скрывать ограничения. Мы их приложим.

Лиза вернулась к настройкам. Власов перенёс предупреждение на первую страницу: «Модель не подтверждает отсутствие исключённых событий и используется только для оценки автоматического контура».

Портал принял формулировку.

— Отправляем? — спросил он.

Марина положила ладонь на папку.

- Основным должен быть неполный протокол.
- Он не пройдёт регистрацию, — сказала Лиза.
- Тогда зафиксируем это.
- И потеряем добровольную стадию.
- Если отправишь модель, можем потерять Дом.

Лиза запустила предварительную проверку. Портал показал зелёный статус. Контрольные суммы совпали, структура была полной. Впервые за два дня система не нашла ошибки.

Она вспомнила женщину с ожогом, державшую осколок чашки двумя пальцами.

— Последний раз, — сказал Виктор. — Оставь две версии рядом. Не своди их.

— Портал требует одну.

— Портал не был в Доме.

До срока осталось восемь минут.

Лиза выбрала согласованную модель основной. Неполный протокол прикрепила первым приложением. В журнале решения указала возражения Марины и Виктора. Потом поставила свою подпись.

— Я отправляю.

Марина не стала отбирать клавиатуру.

— Запиши, что решение приняла ты.

— Уже записано.

Пакет ушёл на официальный портал. Сначала появилась отметка приёма, затем началась проверка. Семь дежурств система приняла как исключения. Восьмой объект получил статус «идентификатор в обработке».

Через две минуты контрольная сумма отчёта совпала с расчётной.

— Зарегистрировано, — сказал Власов.

Лиза сохранила квитанцию на отдельную карту. На бумаге процедура выглядела законной. Модель получила исходные данные, выдала предупреждение, а Лиза приняла решение.

Портал открыл итоговую оценку.

«Объект наблюдения: Дом зрителей».

«Статистический статус: пустой объект».

Лиза перечитала строку.

— Почему пустой?

Власов открыл расчёт.

— Модель исключила события, которые подтверждали внутреннюю деятельность. Остались потребление энергии и сетевые обращения без владельцев.

— Но здание подтверждено.

— Как инфраструктурная оболочка.

Следующая строка появилась ниже:

«Активность: необоснованно высокая».

— Пустой объект с высокой активностью, — сказал Максим. — Наконец описание нашего бюджета стало официальным.

Портал формировал решение из несоответствия между статусом и активностью.

«Защитный статус приостановлен».

«Операции объекта временно запрещены».

«Имущество подлежит обеспечительному изъятию».

Дата исполнения стояла через десять дней.

— Отзывай отчёт, — сказала Марина.

Лиза открыла форму. Портал предупредил: отзыв после регистрации разрывает цепочку происхождения данных и переводит материалы в статус неподтверждённых.

— Если отзыву, они скажут, что отчёта не было.

- Он привёл к изъятию.
- Он доказывает, как система получила вывод.
- Ценой Дома.
- Если сохранить цепочку, мы сможем оспорить решение.
- А пока они запретят нам работать.

Лиза подала возражение, но отчёт не отозвала.

- Ты выбираешь процедуру, — сказала Марина.
- Я выбираю доказательство.
- Ты выбрала его раньше людей.
- Я исключала их только из автоматического вывода.
- Для системы это и есть реальность.

Марина повернулась к Максиму.

— С этого момента полевые решения принимаются двумя участниками. Лиза не получает единого доступа к маршрутам и швам.

- Ты отстраняешь меня?
- Ограничиваю доступ до пересмотра.
- После того как признала моё право на контур?
- Цифровой контур остаётся твоим. Полевые решения — нет.
- Потому что я ошиблась?
- Потому что твоя система действует за пределами экрана.

Во дворе щёлкнул внешний замок. Терминал у калитки получил запрет на операции и заблокировал служебный режим. Виктор вышел проверить механический ключ. Максим снял городской датчик, чтобы тот не запер людей внутри.

Портал добавил приложение к решению. Кадастровая схема подтянулась автоматически. На месте настоящего Дома стоял пустой прямоугольник.

«Период существования объекта на участке: до 00:00 следующего дня».

Механические часы показывали без семи минут полночь.

Лиза распечатала решение и квитанцию. На бумаге остались её подпись, совпавшая контрольная сумма и дата, после которой Дом переставал находиться на собственном участке. Все вычисления были верны. Отчёт признал реальными только события, приведённые к одному виду.

В полночь портал закрыл добровольную стадию. На двери Дома появился статус объекта, назначенного к изъятию, а в официальной схеме его существование закончилось вместе со сроком подачи отчёта.

Часть 2. Город с неверной датой

Глава 10. Улица после завтра

Утром город уже считал, что Дом смотрителей не существует на своём участке. Навигатор начинал путь на пустом склоне. Затем вёл через закрытую калитку к улице, которой ещё не существовало. Она отключила подсказки после третьего совета повернуть в стену.

Виктор вёл машину по бумажной карте. Власов сравнивал городской геопортал с кадастровой схемой. У нового проезда были название, номер и дата ввода — завтрашнее утро.

— Улица уже открыта?

— Для городских служб — да, — ответил Власов.

— Хорошо, что асфальт умеет читать.

Навигатор показывал прямой проезд между двумя старыми домами. В реальности там находилась арка с железными воротами. За ними стояли мусорные баки и старый тополь.

Виктор остановился у тротуара.

— Приехали.

Навигатор сообщил, что до цели осталось сорок метров.

Они вошли во двор через калитку. Замок был старым. Если проезд собирались открыть завтра, здесь должны были хотя бы снять ворота. Вместо этого створки были стянуты цепью.

У подъезда дворник сбивал грязь с лопаты. Он представился Степаном Ильичом и выслушал Лизу без интереса.

— Проезда здесь никогда не было. Мусорная машина заходит задом и ругается передом.

— Разметку видели? — спросил Виктор.

На асфальте у ворот проходила свежая белая полоса. Она огибала тополь и упиралась в стену.

Дворник присел и провёл пальцем по краске.

— Вчера не было.

Краска уже высохла, на ней успела осесть пыль.

— Ночью рисовали? — спросил Власов.

— Ночью я трубу в подвале проверял. Двор был пустой.

Лиза подняла телефон. Геопортал показывал две полосы движения и тротуар. На месте тополя стоял знак остановки. Фотография была собрана из разных фрагментов: фасад совпадал, а окна первого этажа принадлежали соседнему дому.

Она включила камеру. Ворота оставались воротами. После привязки к portalу поверх изображения появилась граница будущего проезда.

— Отключи слой, — сказал Виктор.

Лиза убрала схему. Граница исчезла, но на секунду ей показалось, что цепь висит ниже. Она подошла ближе и увидела старый след на металле. Цепь всегда находилась именно там.

— Я начала сверять двор с картой, а не карту с двором.

Виктор достал блокнот.

— Запиши первый ориентир, который видела до портала.

— Шрам на тополе.

— Ещё один.

— Жёлтая табличка над подвалом.

— При сомнении проверяй их.

Степан Ильич посмотрел на них.

— Вы улицу ищите или лечитесь?

— Одно другому не мешает, — ответил Виктор.

Из арки донёсся двигатель. К воротам подъехала машина аварийной службы. Мастер в оранжевой куртке вышел с планшетом.

— Проезд закрыт?

— Его нет, — сказал дворник.

— У меня наряд на вскрытие покрытия. Падение давления под Северным Проездом, дом два.

— Здесь другой адрес.

Мастер показал экран. Точка ремонта стояла у тополя. Наряд был создан десять минут назад и уже имел допуск на земляные работы.

— Какая труба? — спросил Виктор.

— Водопровод, двести миллиметров.

Степан Ильич махнул лопатой на стену.

— Вода идёт с западной стороны. Под деревом старый дренаж.

— Схема обновлена, — ответил мастер. — Если не вскрыть, через час зальёт квартал.

— Наряд принят?

— Осталось подтвердить прибытие.

— Пока не подтверждайте.

— Если трубу рванёт, авария ваша.

— Сначала проверим давление.

Бригада подключила манометр к колодцу у арки. Давление было нормальным, ошибки не было. На диспетчерском экране оно продолжало падать.

— Датчик неисправен, — сказал мастер.

— Какой датчик?

— На новой ветке.

— Где она?

Мастер ткнул в карту.

— Под улицей.

Степан Ильич прислонился к лопате.

— Под несуществующей улицей лежит труба, которой тоже нет. Хорошая авария. Воду вытирать не надо.

Диспетчер потребовал подтвердить прибытие и начать вскрытие. Без отметки наряд переходил в нарушение срока.

— Я приму, а вы разбирайтесь, — сказал мастер. — Мне за задержку вычтут.

— После подтверждения схема получит основание для работ, — сказала Лиза.

— Система мне зарплату считает. Это право у неё уже есть.

Он нажал кнопку.

Планшет завибрировал. На асфальте возле тополя появилась светлая линия. Она разошлась квадратами. Под верхним слоем проступила белая сетка коммуникаций: трубы, кабельные каналы и крышка колодца.

Степан Ильич отступил.

— Этого здесь нет.

Мастер провёл щупом по краю сетки. Металл упёрся во что-то под асфальтом.

— Колодец есть.

— Вчера его не было, — ответил дворник.

Рабочие подкатали резак. Белые линии стали ярче. Полоса на асфальте продлилась до ворот. Цепь дрогнула и соскользнула на одно звено ниже.

Лиза проверила шрам на тополе. Он остался на месте. Жёлтую табличку уже закрывал край будущего тротуара.

— Стоп работ, — сказал Власов.

— Наряд подтверждён. Я не могу закрыть его без результата.

— Под землёй схема, которой нет в действующих планах.

— Она в моём плане.

Рабочий включил резак. Диск коснулся асфальта. Вдоль белого квадрата прошла прямая трещина.

Виктор отвёл мастера назад.

— Посмотрите на колесо.

Заднее колесо машины просело. Под ним асфальт стал гладким, будто его уложили недавно. Ещё метр — и машина оказалась бы над пустотой.

Власов выключил резак аварийной кнопкой.

— Все к арке. Оборудование оставить.

— Вы отвечаете за простой? — спросил мастер.

— Да.

Он приложил служебную карту к планшету и попытался остановить наряд. Система отклонила причину: утверждённая схема считалась действующей.

— Напишите угрозу провала, — сказала Лиза.

— Нужен подтверждённый дефект.

Асфальт под колесом опустился ещё ниже. Власов сфотографировал провал и приложил снимок. Система распознала дефект, но привязала его к новой улице. Наряд на ремонт трубы сменился нарядом на восстановление покрытия.

— Она переназначает работу, — сказал Виктор. — Не отпускает участок.

— Пока улица существует в профиле, действие укрепляет её, — ответила Лиза.

Степан Ильич постучал лопатой по краю сетки.

— Под тополем корень. Я сам его обрубал пять лет назад. Там не может быть колодца.

— Покажите место.

Он подошёл, но остановился перед светлым квадратом.

— Здесь. Или левее.

— Вы уверены?

— Был уверен, пока вы не спросили.

Лиза открыла старую фотографию двора. Портал предложил исправить перспективу, и тополь сдвинулся к будущему тротуару. Она закрыла экран.

— Не смотрите карту, — сказала Виктору. — Измерьте расстояние от дерева до стены.

— Четыре метра восемьдесят семь сантиметров.

В городской схеме было шесть метров двадцать. Белая сетка занимала недостающий промежуток.

— Меняется расстояние, — сказал Виктор.

Власов осмотрел трещину.

— Пока действие имеет основание.

Лиза открыла карточку наряда. Основанием был прогноз повреждения из источника с завтрашней датой. Кнопка отмены была доступна диспетчеру и руководителю службы.

Мастер звонил в диспетчерскую. Там отвечали, что остановка без диагностики невозможна. Для диагностики требовалось вскрыть участок.

— Чтобы отменить работу, нужно сделать работу, — сказал Власов.

Белый колодец проступил сильнее. На крышке появился номер. В геопортале объект должны были принять завтра в восемь пятнадцать.

Лиза вошла в служебную форму через свой профиль. После решения об изъятии права Дома были ограничены, но emergency_admin всё ещё считала её временным владельцем незавершённых событий.

- Не используй эту роль, — сказал Виктор.
- Другого доступа нет.
- Она уже назначила тебя владельцем чужого решения.
- Сейчас позволит его остановить.
- Получите отметку о вмешательстве в безопасность. Комиссия её не снимет.
- Если не войду, бригада вскроет двор.
- Можно дождаться Ратниковой.
- Сетка растёт сейчас.

Лиза подтвердила аварийные полномочия. Система попросила принять последствия отмены. Она поставила подпись.

- Сначала зафиксируй, что наряд существовал до твоего входа, — сказал Виктор.

Власов снял экран отдельной камерой. Мастер подписал бумажное подтверждение времени. Степан Ильич написал, что до приезда бригады колодца не видел.

Лиза нажала «аннулировать».

Планшет мастера погас. Белая сетка задержалась на несколько секунд, затем квадраты начали исчезать от ворот к тополи. Асфальт под колесом поднялся не полностью. Там осталась вмятина с прямым краем.

Цепь вернулась на прежнюю высоту. Жёлтая табличка снова стала видна.

Виктор пробил край вмятины стальным щупом. Под асфальтом лежал старый грунт, смешанный с корнями. Колодца там больше не было. На наконечнике осталась белая пыль, которой не оказалось ни в одном образце со двора.

Власов запечатал щуп в пакет и попросил мастера поставить подпись на шве. Тот расписался, потом спросил, считать ли пустое место устранённой аварией.

- Давление? — спросила Лиза.
- Норма, — ответил мастер. — Аварии нет.
- Новая ветка?
- Осталась в схеме как объект без подтверждённого ввода.

Власов сохранил обе версии карточки.

— Запись создала право на работу. Подтверждение дало ей физический контур. Отмена остановила процесс.

- Решение человека по записи, — поправил Виктор.
- Лиза посмотрела на кнопку, которую нажал мастер.
- Система выдала наряд, который нельзя было не принять без личной цены.
 - За просрочку мне отметка придёт? — спросил мастер.
 - Нет, — сказал Власов. — Я принял ответственность за остановку.
 - Тогда неплохая система.
 - Почему?
 - Обычно сначала наказывает, потом просит объяснение.

Степан Ильич подошёл к вмятине.

- Тут был колодец.
- Был.

Дворник посмотрел на ворота.

- А зачем ворота посреди улицы?
- Здесь двор, — сказала Лиза.
- Какой двор?

Она показала на тополь и подъезды.

— Этот.

Степан Ильич оглянулся.

- Когда улицу успели построить? Утром здесь проезд был открыт.

Виктор раскрыл блокнот.

— Что находилось у тополя?

— Какого тополя?

Дерево стояло рядом. Дворник поднял голову и растерянно поправил перчатку.

— А, этот. Его, наверное, оставили при благоустройстве.

— Вы говорили, что обрубали корень пять лет назад.

— Я?

Телефон Лизы завибрировал. В городском профиле появилась запись о вмешательстве в систему безопасности. Время опережало механические часы на четыре секунды.

На геопортале улица больше не проходила через двор. Теперь она заканчивалась у ворот и имела статус временно закрытой. Система уступила несколько метров, но сохранила право на проезд.

Лиза сфотографировала двор без привязки к карте. На снимке были ворота, тополь и белая полоса, упирившаяся в стену. Степан Ильич стоял рядом и уже не помнил, что десять минут назад считал этот двор закрытым.

Она убрала прежнее свидетельство Степана Ильича в отдельный конверт. Бумага хранила версию, которую он потерял после отмены наряда. Улицы ещё не было, а его память уже совпадала с будущей схемой.

Глава 11. Дата на воде

К полудню у Амурского утёса собирали сцену для городского праздника. Рабочие тянули кабель к колонкам, а на табло уже шла программа следующего дня. По бумажному графику до открытия оставалось двадцать пять часов, по городскому — двадцать один.

Марина пришла раньше комиссии. На краю площадки стояло старое пианино в защитном чехле. Его привезли из Дома на тележке и поставили так, чтобы клавиатура была обращена к воде. Виктор проверил ножки, подложил под одну деревянную пластину и ушёл к генератору.

Алина ждала у ограды. Нефритовый осколок она оставила в Доме.

— Сегодня без него, — сказала она.

— Сегодня без всех вещей, которые хотят изъять быстрее нас.

Максим закрепил на перилах две метки. Первая находилась у лестницы к воде, вторая — ниже по течению. Между ними проходили прогулочные лодки. Рядом поставили механические часы Виктора. Городское табло показывало время на четыре секунды вперёд.

— Ратникова разрешила тест? — спросила Марина.

— Разрешила музыку в общественном месте, — ответил Максим. — Проверку ритма она назвала сопутствующим наблюдением. Очень полезный язык. Можно случайно спасти город, пока настраиваешь микрофон.

На площадке работали две камеры. Первая принадлежала городскому центру, вторая записывала на отдельную карту. Лиза попросила не подключать её устройство к сети. После вчерашнего отчёта доступ к полевым решениям подтверждали двое. Марина подписала тест вместе с Алиной.

Она сняла чехол и провела пальцами по клавишам. Правая кисть ещё ныла после прошлых исполнений, но движение оставалось свободным. Максим заметил, как она несколько раз согнула два пальца.

— Болит?

— Затекла в машине.

— Мы ехали семь минут.

— Очень неудобная машина.

Он ничего не сказал, только положил на крышку пианино бумажный протокол.

Марина выбрала фразу из шести тактов. Ею раньше проверяли, совпадает ли пространство с живым исполнением. Звук отражался от воды и возвращался с небольшой задержкой. При согласованном слое отклик ложился в размер.

Алина включила запись пульса. Максим встал у первой метки. У второй дежурил Виктор с красным флажком.

— Лодка идёт, — сообщил он по рации.

Небольшой катер двигался вдоль берега. Его нос поравнялся с первой меткой.

Марина начала.

Первые два такта легли чисто. Камеры записывали без задержки. Табло сменило минуту в нужном месте. Когда катер достиг второй метки, Марина взяла заключительный аккорд.

Звук дошёл до воды после того, как лодка уже прошла отметку.

Она закончила фразу и убрала руки с клавиш.

— Расхождение? — спросила Алина.

Максим сверил две записи.

— На городской камере катер проходит метку вместе с аккордом. На отдельной — раньше почти на секунду.

— Механические часы? — спросила Марина.

— Совпали с отдельной записью, — ответил Виктор.

В городском потоке катер, табло и музыка сошлись в одной точке. Даже волна у борта поднялась на сильную долю.

— Слишком хорошо, — сказала Алина.

Марина повторила фразу без музыки, постукивая пальцем по крышке. Городская камера снова подогнала движение лодки к ритму. Отдельная запись сохранила задержку.

— Раньше правильный отклик подтверждал, что слой не подменён, — сказала Марина. — Теперь система умеет его воспроизводить.

— Или мы выбрали удобный размер, — ответил Максим.

— Проверим неудобный.

Она вернулась к клавиатуре. Во втором такте нужно было задержать одну долю, сохранив общий ход. Рука хотела исправить ошибку ещё до нажатия клавиши.

Алина подошла ближе.

— Сколько раз?

— Один.

— Если пальцы перестанут слушаться, заканчиваем.

— Они слушаются.

Максим посмотрел на Марину.

— На этот вопрос отвечают не словами.

— Тогда смотри на руки.

Она начала снова. Первый такт прошёл чисто. Во втором Марина задержала правую руку на половину вдоха. Левая уже требовала продолжения, и кисть свело у основания большого пальца. Она не исправила ошибку.

Звук распался на два хода. Один шёл по площадке, другой возвращался от воды.

На городском табло осталось сегодняшнее число. У нижней ступени отражения поручней и край облака сложились в дату следующего дня.

— Вижу, — сказала Алина.

— Камеры? — спросила Марина, не прекращая играть.

— Отдельная видит дату на воде. Городская показывает обычное отражение.

Боль поднялась к запястью. Марина продолжила неудобный размер. Катер на отдельной записи двигался по течению. В городском потоке его положение задержалось, чтобы совпасть с чистой версией мелодии.

— Табло? — спросил Максим.

— Сегодняшняя дата, — ответил Виктор. — Без изменений.

Марина удержала ошибку ещё два такта. Вода показывала завтрашнее число. Площадка и городские приборы сохраняли сегодняшний день.

Алина считала её пульс вслух. На каждом задержанном ударе сердце ускорялось, потом возвращалось к прежнему ритму.

Ложный резонанс начал подстраиваться. Колонки у сцены дали слабое эхо и заполнили задержку правильным звуком.

— Система выравнивает фразу, — сказала Алина. — Заканчивай.

Марина сыграла последний аккорд с той же ошибкой. Дата на воде распалась. Табло мигнуло, но сохранило сегодняшний день.

Правая кисть не разжалась сразу. Два пальца онемели. Марина положила ладонь на колено, чтобы Максим не увидел.

— Запись сохранилась? — спросила она.

— На отдельной карте — да, — ответила Алина. — Городская камера уже заменила задержку.

Виктор сверил часы.

— Обычно разница четыре секунды. Во время ошибки стало пять и две десятых, потом снова четыре.

— Значит, фальшивая доля отделяет течение от городской версии.

— Пока ты её выдерживаешь, — уточнила Алина.

Максим снял карту памяти и запечатал её в конверт.

— И пока колонки не научились исправлять тебя быстрее.

Рабочий у пульта поднял голову.

— Мы ничего не включали.

Власов проверил кабель. Команда пришла с городского узла сцены: сработала автоматическая коррекция программы.

— Она должна убирать задержки трансляции, — сказал он.

— Теперь убирает неверный такт, — ответила Алина.

— Потому что считает его технической ошибкой.

Чувствительность в пальцах возвращалась медленно.

— Отключите коррекцию.

— Тогда городская камера потеряет синхронизацию с программой, — сказал рабочий.

— Она уже потеряла связь с лодкой.

Рабочий посмотрел на воду, потом на экран.

— На экране всё совпадает.

— Именно поэтому отключайте.

Власов снял коррекцию. Табло предупредило, что сцена может использовать только подтверждённую временную сетку.

— Чью? — спросил Максим.

— Городского источника, — ответил Власов.

— Того, который выпущен завтра?

— Того самого.

Марина поднялась из-за пианино. Кисть отозвалась болью, и она опёрлась на край инструмента.

Максим оказался рядом.

— Покажи руку.

— Потом.

— Сейчас.

— У нас запись открыта.

— Запись переживёт твою ладонь.

Алина закрыла камеру крышкой.

— Теперь не открыта.

Марина разогнула пальцы. Указательный и средний почти не чувствовали прикосновения.

— После прошлого раза тоже было? — спросил Максим.

— Ненадолго.

— Лизе сказала?

— Это не её решение.

— А твоё?

— Моё тело, мой предел.

— Ты назначила себя единственным человеком, который знает предел.

Марина убрала руку.

— Я остановилась.

— Потому что Алина приказала.

— Она не приказывала.

— Хорошо. Потому что она заметила раньше тебя.

Власов отошёл к пульту. Алина осталась рядом.

— Ошибочный ритм работает, — сказала Марина. — Его можно использовать как полевой тест.

— С ограничением, — ответила Алина. — Один проход. Потом проверка руки.

— Запишем.

— И Лизе скажем цену.

— Скажем, что после исполнения немеют пальцы.

— Не после исполнения. После каждого удержания ошибки.

Рабочие снова включили табло. Городская дата появилась сразу, хотя внутренние часы сцены оставались отключёнными.

Власов открыл журнал.

— Система подтянула время через камеру.

— Значит, любой подключённый прибор восстановит согласованную версию, — сказала Алина.

— Пока она считается более надёжной.

Марина села за пианино ещё раз.

— Нужна проверка без городской коррекции.

Максим встал между ней и клавиатурой.

— Нет.

— Один такт.

— Ты только что потеряла чувствительность в пальцах.

— Она возвращается.

— Поэтому можно отнять её снова?

— Нам нужен предел подстройки.

— Нам нужен человек, который сможет сыграть в следующий раз.

Марина посмотрела на Алину.

— Ты тоже против?

— Я согласилась на один опыт. Второго согласия нет.

Это остановило спор. Требовать уважения к отказу и самой обходить его Марина не могла.

Она закрыла клавиатуру.

Власов указал в протоколе, что ошибочная доля выявила расхождение между механическим временем и городской синхронизацией. Причину даты на воде оставил без вывода.

— Добавьте, что чистая фраза дала ложное совпадение, — сказала Марина.

— Ложность подтверждена отдельной записью и положением лодки, — ответил он. — Добавляю.

Максим прочитал текст.

— И цену метода.

Марина хотела возразить, но Алина уже продиктовала:

— После одного исполнения у музыканта временно нарушилась чувствительность двух пальцев правой руки. Повтор не проводился по решению участников.

Власов записал без изменения.

— Теперь это попадёт в комиссию, — сказала Марина.

— Для этого существуют протоколы, — ответил Максим. — Иногда в них полезно оставлять людей.

Его слова напоминали спор с Лизой. Марина не продолжила.

Рабочие включили свет сцены. Городская камера снова соединила отражения с табло и выровняла их движение.

Марина попросила включить отдельную запись ещё на минуту. Алина поставила часы на пианино, Максим встал у нижней метки.

На табло шла сегодняшняя дата. В воде снова сложилось завтрашнее число, хотя ошибочного такта уже не было.

— Подстройка сохранила результат, — сказала Алина.

— Или будущая версия стала устойчивее.

Колонки молчали. Свет мигнул, выдержал паузу и повторил сигнал ещё дважды. Система повторяла исправленный размер.

Она отключила питание сцены механическим рубильником. Табло погасло. Камеры перешли на резервные батареи. На воде дата исчезла.

— Значит, нужен работающий городской контур, — сказал Максим.

— И право на событие, — добавил Власов. — Сцена зарегистрирована на завтра, но уже действует сегодня.

На отдельной камере рамка обвела пианино и пустой участок рядом. Система распознала мероприятие, которое ещё не началось.

Марина подошла к краю сцены. Между двумя стойками должно было появиться её отражение.

Вместо неё в отражении оставалась пустая сцена. На переднем крае висела табличка: «мероприятие завершено».

Марина подняла руку. Отражение не изменилось. Максим встал рядом, но вода сохранила пустой настил. Только механические часы на пианино отражались там, где находились.

Алина выключила отдельную камеру и записала время на бумаге. Марина спрятала онемевшие пальцы в карман. На экране будущей программы остались правильный ритм и сегодняшняя площадка. Живые участники в итог не попали.

Глава 12. Семь переходов

К вечеру Максим получил от комиссии семь адресов. Адреса совпадали с пропавшими дежурствами, но переходов там быть не должно. Первые три находились у торгового центра, под трамвайной эстакадой и возле старого рынка. Остальные вели к лестничному спуску, давно закрытому на ремонт.

Виктория распечатала адреса и убрала телефон.

— Идём без навигатора.

— Боишься, что он приведёт нас завтра?

— Боюсь, что ты снова пойдёшь первым и назовёшь это экономией времени.

Максим сложил лист пополам. Бумага ушла в карман.

— Если я пойду вторым, лестница обидится.

— Пусть подаст жалобу.

У торгового центра их ждала женщина из ночной смены. В журнале Дома её имя отсутствовало, но медицинская карточка подтверждала переохлаждение в ту ночь. Она помнила, что пришла домой в мокрой куртке и долго не могла открыть замок. Откуда взялась вода, объяснить не смогла.

— Дождя не было, — сказала Виктория.

— Значит, трубу прорвало.

— Где?

Женщина посмотрела на служебную дверь. За ней шёл обычный коридор, а на стене сохранялась старая отметка воды выше колена.

— Здесь, наверное.

Максим провёл пальцем по краю пятна. В ту смену они выводили людей через затопленный слой, но сам путь в памяти не удержался. Остался холод в ботинках и тяжесть чужой руки на плече.

— Вы были не одна? — спросила Виктория.

— Кажется, рядом шёл мужчина. Или я потом придумала.

— Он что-нибудь говорил?

— Просил не смотреть на витрины.

Максим отступил от стеклянной двери. В отражении были он, Виктория и пустой коридор.

— Это вы сказали? — спросила женщина.

— Возможно.

— Ты помнишь? — спросила Виктория.

— Последствие. Сам переход — нет.

Женщина согласилась подтвердить мокрую одежду и просьбу не смотреть в стекло. Дату подписывать отказалась.

— Хорошо, — сказала Виктория. — Отказ тоже останется в записи.

— Обычно после этой фразы дают ещё три бумаги.

— Сегодня только две.

— Значит, вы добрая служба.

Под эстакадой их встретил мужчина со шрамом на предплечье. Он помнил порез и потерянный час. В травмпункте записали: «металлический край неизвестного происхождения».

— Вышел со смены в два, домой пришёл в четыре, — сказал он. — Дорога занимает двадцать минут.

— Что было между ними? — спросила Виктория.

— Шёл по переходу. Свет мигнул. Потом оказался у реки. Этот был рядом.

Он показал на Максима. Через секунду нахмурился.

— Лицо знакомое. Может, по новостям видел.

Максим не стал подсказывать. Готовый ответ быстро становился чужой памятью.

— Что он делал?

— Ухватился за дверь. Или за перила. Я помню кровь на руке.

Старый рубец у большого пальца мог дать удобное совпадение. Максим оставил ладонь в кармане.

— Запишите только то, что видели: кровь. Без владельца.

Мужчина поставил подпись. Терминал комиссии предложил установить пострадавшего.

Виктория выбрала «не установлен».

— Система не любит неопределённость.

— Люди тоже. Поэтому ты обычно назначаешь себя.

— Я удобный.

— Табуретка тоже удобная. Ей не поручают чужие долги.

В переходе у рынка продавщица вспомнила, что утром после пропавшей смены нашла на прилавке электронные часы. Они отставали почти на час, а потом снова пошли без ремонта.

— Часы выбросили? — спросил Максим.

— Нет. Я всё храню. Даже чеки, которые уже стыдно показывать мужу.

На задней крышке была царапина в форме крюка. Максим пользовался такой меткой до знакомства с Мариной. Она обозначала выход, который нельзя повторять в одиночку.

— Ваши?

— Нет.

— Метка твоя.

— Моя. Но часы могли принадлежать человеку, которого я выводил.

Продавщица включила их. Экран показывал городское время с отставанием на четыре секунды.

— Очень воспитанные часы, — сказала она. — В отличие от покупателей.

— Кого вы видели утром?

— Троиш. Мужчина сидел на полу, девушка ругалась из-за сумки, а вы стояли у лестницы.

Все были мокрые.

— Что я сказал?

— Что переход закрыт и вы отвечаете.

Виктория записала фразу отдельно и спросила:

— За что отвечал?

— За них. За дверь. За всё сразу. Вы выглядели человеком, которому легче согласиться, чем объяснять.

На улице Виктория остановила Максима.

— В трёх местах люди помнят цену, но не путь. В каждом ты рядом и уже отвечаешь.

— Это была работа.

— Работа не требует становиться единственным свидетелем.

— Тогда рядом не было другого.

— Или ты не дал ему остаться.

Максим посмотрел на неё, но спорить не стал.

— Ты решила это по трём обрывкам?

— Я решила спросить.

Он пошёл дальше. Спорить на лестнице было удобнее: там хотя бы можно обвинить ступени.

Старый спуск находился между административными зданиями. Верхний вход закрывала сетка с табличкой о ремонте. На бумажном плане проход значился действующим, а городской портал показывал здесь семь завершённых переходов.

Максим снял замок служебным ключом. Виктория записала время.

— Терминал не включаем до осмотра.

— Согласен.

— Подозрительно быстро.

— Берегу силы для плохих решений.

Они спустились на первый пролёт. Луч фонаря выхватил железные перила и серую пыль. На нижней стойке Максим увидел короткую царапину с загнутым концом. Ниже шли ещё шесть, на одинаковом расстоянии.

— Семь, — сказала Виктория.

Под ними сохранилась его старая метка: крюк и поперечная черта. Он делал её ножом, которым давно не пользовался.

— Это до Марины.

— Почему уверен?

— После знакомства с ней я добавлял вторую линию. Она требовала отмечать свидетеля.

— А раньше?

— Считал, что хватит меня.

На стене были следы ладоней, затёртые краской. Каждая царапина отмечала отдельное открытие. Переходы начинались здесь и уходили в разные места, хотя лестница имела один выход.

Виктория подсветила метки сбоку. В верхней царапине застряла красная краска, в нижней — речной песок. Лестница была одна, но следы пришли из разных мест.

— Ты возвращался сюда после каждого перехода?

— Видимо.

— Это память или вывод?

— Вывод.

Она записала ответ без исправлений. Под перилами Максим нашёл обрывок нити, которой раньше отмечал закрывающуюся границу. Узел был затянут одной рукой.

— Это доказывает, что ты работал один? — спросила Виктория.

— Только то, что узел завязал один человек.

Максим коснулся первой метки. Холод прошёл в ладонь. Бетон за перилами потемнел, появился запах речной воды.

— Руку убери, — сказала Виктория.

— Проверяю отклик.

— Без второго свидетеля?

Он отдернул ладонь. Пятно исчезло.

— Ты не проверяешь возможность, — сказала она. — Ты сразу принимаешь риск на себя.

— Если бы оно выросло, я бы остановился.

— Ты уже начал один.

— Ты рядом.

— Но не соглашалась участвовать.

Максим убрал нож. Чехол щёлкнул.

— Хорошо. Согласие спрашиваю до касания.

— Уже лучше.

— Можно коснуться второй метки?

— Нет.

— Очень суровый метод.

— Зато запоминается.

Через десять минут пришли Власов и специалист комиссии. Живой пересчёт дал четыре человека. Виктория отдельно спросила каждого, согласен ли он на осмотр без открытия перехода.

Терминал поставили на верхней площадке. После подключения он распознал семь меток как незавершённые события. Напротив каждой появилась сумма долга. Вместо денег требовалось «личное подтверждение владельца перехода».

— От меня хотят признание, — сказал Максим.

— Система хочет закрыть события, — ответил Власов.

— Моим именем.

— Метка принадлежит вам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.